

pocket**book**

ЧАРЛЬЗ БУКОВСКИ

*Записки
старого козла*

Чарльз Буковски

Записки старого козла

Серия «Pocket book (Эксмо)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65387596
Записки старого козла / Чарльз Буковски: Э; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-62869-8*

Аннотация

Чарльз Буковски – культовый американский писатель, чья европейская популярность всегда обгоняла американскую (в одной Германии прижизненный тираж его книг перевалил за два миллиона), автор более сорока книг, среди которых романы, стихи, эссеистика и рассказы. Несмотря на порою шокирующий натурализм, его тексты полны лиричности, даже своеобразной сентиментальности.

Содержит нецензурную брань!

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	4
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Чарльз Буковски

Записки старого козла

Предисловие

Чуть больше года назад Джон Брайн затеял свою андеграундную газетенку «Открытый город». Сначала редакция находилась в маленькой комнатке в небольшом двухэтажном доме, который Джон арендовал. Затем переместилась в апартаменты напротив, после чего оказалась в бизнес-центре на Мелроуз-авеню. И тут тучи стали сгущаться. Чертовски огромные и мрачные тучи. Тираж рос, а вот объем рекламы – нет. Ее переманивала другая газета, «Лос-анджелесская свободная пресса», которая уже выбилась в истеблишмент. Этого врага создал себе сам Брайн, который до того работал на «Прессу» и увеличил ее тираж с 16 000 более чем втрое. Это все равно что сначала мобилизовать Национальную армию, а потом присоединиться к революционерам. Но битва между «Открытым городом» и «Свободной прессой» – это не только борьба за рекламодателя. Если вы читали «Открытый город», то понимаете, о чем я. «Открытый город» срется с крутыми ребятами, самыми крутыми, вон они валят прямо по осевой, ну и злобные же уроды. Это очень смешно и очень опасно и хорошо работает на «Открытый город», который,

похоже, является самой живой газетенкой в Штатах. Но смех и опасность не намажешь на хлеб и ими не накормишь свою кошку. Сначала приходится отказаться от бутерброда, а потом сожрать и кошку.

Джон Брайн – один их тех чокнутых идеалистов и романтиков. Он нигде не уживается. Он ушел или его поперли, вернее, он ушел и его поперли – да с каким треском – из «Геральд икзэминер» после того, как он возмутился, что они заретушировали младенцу Христу его писюльку и яички. Причем на обложке рождественского номера. «И это ведь даже не мой Бог, а их», – говорил мне Джон.

И вот такой идеалист и романтик создал «Открытый город». «Как насчет того, чтобы вести еженедельную колонку?» – небрежно спросил меня как-то Брайн, почесывая свою рыжую бороду. Ну, я присматривался к такой работенке, знакомился с колонками в других изданиях, и сделал вывод, что это сплошная бодяга и смертельная скучища. Но я ввязался, правда, не сразу, для начала нацарапал рецензию на книжку Хочнера «Папа Хемингуэй». А потом как-то, вернувшись с ипподрома, сел за пишущую машинку и отстучал заголовок: ЗАПИСКИ СТАРОГО КОЗЛА. Я открыл баночку пива, и слова потекли сами собой. Не было ни напряжения, ни усердного ковыряния тупым лезвием, как если бы писал, ну, скажем, для «Атлантик мансли». И бездушной журналистской поденщины тоже не было. Сиди себе и барабань по клавишам. Мне показалось это не слишком обремен-

нительным.

Просто сиди у окна, попивай пиво – и пусть себе идет, как пошло. Что получится, то и получим. И с Брайном никогда не было проблем. Я приносил ему текст, он проглядывал его по диагонали и говорил: «Хорошо, принято». Через некоторое время он перестал проглядывать текст. Просто брал мою писанину, совал ее на полку и объявлял: «Принято. Как делишки?» Теперь он уже даже не говорит «принято». Я просто вручаю ему материал, и все. Это очень стимулирует мое творчество. Представьте только себе: абсолютная свобода – пиши все, что в голову лезет. Да, я здорово провел это время, и порой это были не только хиханьки да хаханьки, но вот что главное: неделю за неделей я чувствовал, как крепчает мое ремесло. А теперь вот сделал выборку из всех моих колонок за четырнадцать месяцев.

По части действенности колонка уложила поэтическое творчество на обе лопатки. Допустим, приняли у тебя стихи к публикации; можно надеяться, что года через два, если не через пять, они наконец будут напечатаны, а то, с вероятностью пятьдесят на пятьдесят, и вовсе сгинут, или вдруг несколько строчек, слово в слово, появятся в работе другого – очень известного – поэта, и тогда ты понимаешь, что мир несправедлив. Конечно, в этом нет вины самой поэзии. Просто много всяких говнюков пытаются ее публиковать и писать. С «Записками» совсем другое дело! Сидишь с пивком и печатаешь, скажем, в пятницу или в субботу, на крайняк

в воскресенье, — а в среду твоя писанина уже разлетается по всему городу. Я получал письма от людей, которые никогда не читали поэзию — ни мою, ни чью-либо другую, — а «Записки» осилили. А сколько людей ломились ко мне в дверь — толпами, блин, — и втолковывали, как «Записки старого козла» их заводят. Какой-то бродяга пришел и привел с собой цыгана с женой, мы просидели полночи, выпивали и разговаривали, несли чушь всякую. Оператор с междугородней телефонной линии прислала мне денег, чтобы я не так налегал на пиво и нормально питался. Я имел дело с психом, который величал себя королем Артуром и жил на Вайн-стрит в Голливуде. Он хотел помочь мне писать мою колонку. Приходил ко мне и доктор: «Я читал вашу колонку и думаю, что смогу вам помочь. Когда-то я был психиатром». Пришлось послать его подальше. Я надеюсь, что эта подборка поможет вам. Если вознамеритесь отправить мне денег — пожалуйста. Захотите возненавидеть меня — да ради бога. Будь я могучим деревенским кузнецом, вы бы не посмели на меня залупнуться. Но я всего лишь стареющий парень со своими скабрёзными историями, пишущий для газетенки, которая, как и я, может скопытиться завтра утром.

Как все же странно, вы только вдумайтесь: если бы они не заретушировали младенцу Христу писюн с яичками, вы бы никогда не прочитали этого. Так что будьте счастливы.

Чарльз Буковски

1969

Какой-то кретин зажал бабки, все сразу прикидываются, что они на нуле, игра была окончена, я сидел со своим приятелем по кличке Эльф, в детстве Эльфу был конкретный кирдык, он весь съежился, годами валялся на кровати и тискал резиновые мячики, тренировался, а когда наконец поднялся с кровати, то был что в ширину, что в длину, эдакая гора мышц, звероподобный хохотун, метящий в писатели, но выходило у него слишком похоже на Томаса Вулфа¹, а Т. Вулф (не считая Драйзера²) – худший писатель во всей Америке, и я вдарил Эльфу по уху (чем-то он меня взбесил), бутылка слетела со стола, пока Эльф поднимался, бутылка была уже у меня, хороший скотч, я вдарил бутылкой, попал частично по челюсти, частично по шее, Эльф рухнул снова, я чувствовал себя на коне, я штудировал Достоевского, по ночам слушал Малера³, глотнув прямо из бутылки, я убрал ее, сделал обманное движение правой и левой припечатал ему в живот, Эльф со всего маху повалился на шкаф, зеркало разбилось, это было как в кино, все вспыхивало, трещало,

¹ Томас Вулф (1900–1938) – классик американской литературы, автор романов «Взгляни на дом свой, ангел» (1929), «О времени и о реке» (1935), «Домой врата нет» (1940).

² Драйзер, Теодор (1871–1945) – американский писатель-натуралист и общественный деятель, автор романов «Сестра Керри» (1900), «Дженни Герхардт» (1911), «Американская трагедия» (1925), трилогии «Финансист» (1912), «Титан» (1914), «Стоик» (1947).

³ Малер, Густав (1860–1911) – выдающийся австрийский композитор и дирижер, переходное звено от позднего романтизма к модернизму.

рушилось, и тут Эльф залепил мне точно в лоб, я грохнулся на стул, тот смялся подо мной, как пучок соломы, дешевая мебель, теперь я был в жопе – у меня слишком короткие руки и нет истинного вкуса к драке, сразу я этого урода не смог вырубить – и вот он надвигался на меня нелепым никудышным мстителем, я отвечал одним своим ударом на пару-тройку его, так себе ударов, но он не успокаивался, и мебель продолжала рушиться, поднялся невероятный грохот, я лишь надеялся, что кто-нибудь остановит этот кошмар – хозяйка гостиницы, полиция, Бог, кто-нибудь, но это продолжалось и продолжалось, что случилось потом – не помню.

когда очнулся, солнце было уже высоко, а я лежал почему-то под кроватью. выбравшись наружу, я понял, что даже могу подняться. подбородок рассечен, костяшки рук разодраны. что ж, похмелье случалось и жутчее, да и места для пробуждения бывают более жуткие. типа тюрьмы? возможно. я осмотрелся, так и есть, вся мебель переломана, все перемазано, залито, разбросано – лампы, стулья, шкаф, кровать, пепельница – кругом спекшаяся кровь, ничего ободряющего, сплошное уродство и упадок. я глотнул воды и заглянул в стенной шкаф, выигрыш был на месте: десятки, двадцатки, пятерки, я сбрасывал их там каждый раз, когда во время игры отлучался поссать, и ведь подумать только, я заварил это месилово из-за ДЕНЕГ. я собрал всю зелень в кошелек, водрузил на перекошенную кровать картонный чемодан и стал собирать свое барахло: рабочие рубашки, за-

деревянные ботинки с дырявыми подошвами, заскорузлые носки, мятые брюки с протертыми штанинами, рассказ о том, как подхватил мандавошек в сан-францисской опере, и потрепанный толковый словарь – «палингенез – возврат давно утраченных видовых особенностей в период эмбрионального развития организма».

часы были исправны, дружище будильник, храни его бог, сколько раз я таращился на его циферблат в 7.30 похмельного утра и спрашивал себя: нахуй эту работу? НАХУЙ ЭТУ РАБОТУ! короче, будильник показывал 4 вечера. я уже был готов упаковать его в чемодан, когда – ну естественно, почему бы нет – в дверь постучали.

ДА?

МИСТЕР БУКОВСКИ?

ДА-ДА?

МНЕ НУЖНО СМЕНИТЬ ПРОСТЫНИ.

НЕТ, НЕ СЕГОДНЯ. СЕГОДНЯ Я БОЛЕН.

О, ЭТО ОЧЕНЬ ПЛОХО. НО ПОЗВОЛЬТЕ МНЕ ВОЙТИ, Я ПРОСТО СМЕНЮ ПРОСТЫНИ И ТУТ ЖЕ УЙДУ.

НЕ-НЕ, Я ОСНОВАТЕЛЬНО БОЛЕН. Я ПРОСТО НИКАКОЙ. НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ВЫ МЕНЯ ВИДЕЛИ В ТАКОМ СОСТОЯНИИ.

и началось. ей нужно сменить простыни. я говорю, нет. она про простыни. снова и снова. одним словом – домовладелица. но зато какое тело, сплошное тело, каждая ее частичка отчаянно вопила: ТЕЛО ТЕЛО ТЕЛО. помнится, я прожил у

нее всего 2 недели, а на первом этаже был бар, и вот когда ко мне кто-нибудь приходил, а меня в комнате не оказывалось, то она заявляла гостю: да он в баре там внизу, он все время околачивается в этом подвале. и они потом мне говорили: «господи исусе, мужик, что у тебя за ХОЗЯЙКА такая?»

а она была здоровенной белой бабой, которая якшалась с местными филиппинцами, эти черти вытворяли такое по мужицкой части, что белым и во сне не приснится, даже мне; островитяне фланировали в широкополых шляпах а-ля Джордж Рафт⁴ и пиджаках с наставными плечами, короче, они были типа местные законодатели мод, парни со стилетами; кожаные штиблеты, сальные развратные рожи – куда же вы подевались?

ну, так или иначе, а выпить было нечего, и я просидел в своей комнате несколько часов кряду, едва не свихнувшись; нервный, пришибленный, с распухшими яйцами, имея на кармане 450 баксов, я не мог купить себе даже дешевого пива. я ждал темноты, темноты – не смерти. я хотел слинять. еще одна попытка, собрав всю волю в кулак, я слегка приоткрыл дверь, не снимая цепочки. он был там – маленькая вертлявая обезьяна с молотком, я открыл дверь, он поднял молоток и ухмыльнулся, я закрыл, он вытащил изо рта гвозди и прикинулся, что прибывает ковровую дорожку, идущую вниз по лестнице до первого этажа. не знаю, сколько это про-

⁴ Джордж Рафт (1901–1980) – американский актер, прославился ролями гангстеров.

должалось. одно и то же — я приоткрываю дверь, он поднимает молоток и ухмыляется, сраная обезьяна! он всегда оставался возле моей двери. я начал сходить с ума. маленькие круги вращались, вращались, вращались, и бледные плоскости и вспышки света теснились в моей черепушке. уверовав, что окончательно рехнулся, я взял в одну руку свой чемодан — совсем легкий — одно тряпье, в другую — печатную машинку — стальную, одолжил ее у жены одного приятеля и зажалил — более весомые ощущения: невзрачно-серая, плоская, тяжелая, выдававшая виды, тривиальная... и так, цепочка с двери снята, с выпученными шарами, с чемоданом в одной руке, с ворованной машинкой в другой, я ринулся под пулеметный огонь, скорбная утренняя заря, шуршание пшеники, конец света.

ЭЙ! ТЫ КУДА?

мартышка привстала на одно колено, подняла молоток — отблеск электрического света на металле молотка, — и мне хватило этого: в левой у меня чемодан, стальная портативная печатная машинка — в правой, враг в превосходной позиции — ниже моих колен — я размахнулся, вложив максимум точности и чуток ярости, и дал ему плоской, тяжелой и жесткой стороной машинки, со всего маху, прямо по башке, по его черепушке, по виску, по всему его существу.

мне показалось, что на время померк свет и все вокруг зарыдало, затем тишина. вдруг я уже на улице, тротуар, скатился по лестнице, сам того не заметив, и как на удачу — так-

си.

ТАКСИ!

я внутри.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВОКЗАЛ.

как здорово шуршат шины в утренней тишине.

НЕТ, ПОДОЖДИ, спохватился я. ДАВАЙ НА АВТО-ВОКЗАЛ.

А ЧЁ ТАКОЕ, ЧУВАК?

ДА Я ТОЛЬКО ЧТО УБИЛ СВОЕГО ОТЦА.

ТЫ УБИЛ ОТЦА?

ЧЁ, ПЕРВЫЙ РАЗ СЛЫШИШЬ О ТАКОМ?

КОНЕЧНО.

ТОГДА ГОНИ: АВТОВОКЗАЛ.

я просидел на вокзале целый час, ожидая автобус на Нью-Орлеан, и все гадал, убил я того парня или нет. наконец загрузился со всем скарбом, машинку запихнул в самую глубь на верхней полке, не хотелось, чтобы эта штуковина свалилась мне на голову, поездка вышла долгой, много выпивки и небольшое увлечение рыжеволосой из Фотр-Уорта. я выгрузился вместе с ней в этом самом Форт-Уорте, но рыжая жила с матерью, и мне пришлось искать комнату, по ошибке я снял угол в публичном доме, и всю ночь слушал женские вопли типа: «ЭТУ штуку в МЕНЯ? да НИ ЗА КАКИЕ деньги!», звуки спускаемого унитаза и хлопанье дверями.

а рыжеволосая, она была прекрасное невинное дитя, похоже, берегла себя для более достойного мужика, короче, я

покинул город, так и не забравшись ей в трусики. наконец я оказался в Нью-Орлеане.

а вы помните Эльфа? парня, с которым я дрался. ну так он погиб во время войны под пулеметным огнем. я слышал, он долго мучился, недели три-четыре, перед тем как испустить дух, и вот странная вещь, он как-то сказал мне, нет, вернее, спросил:

– прикинь, какой-нибудь мудака прижмет гашетку пальцем и располосует меня пополам?

– ну так ты сам в этом виноват.

– конечно, ты-то вот не собираешься умирать ни под чьими пулеметами.

– это уж как пить дать, дружище, кроме как под дулом Дядюшки Сэма.

– кончай ты мне эту туфту гнать! я же знаю, что ты любишь свою страну. по глазам вижу! любишь, по-настоящему любишь!

и тогда я его ударил первый раз.

что было потом, вы уже знаете из этого рассказа.

в Новом Орлеане я внимательно подошел к съему жилья, чтобы снова не оказаться в публичном доме, хотя весь город смахивал на большой бордель.

мы сидели в конторе после очередной игры, которую просрали со счетом 1:7. сезон перевалил на вторую половину,

а мы тащились в хвосте, отставая на 25 игр от первого места. я осознавал, что это мой последний сезон в качестве менеджера «Синих». старик Хендерсон достал из ящика стола пинту, отхлебнул и подтолкнул бутылку ко мне.

– до кучи, две недели назад я подхватил мандавошек, – сообщил Хендерсон.

– черт, мои соболезнавания, босс.

– недолго мне осталось, боссом-то.

– понимаю, босс, но ведь ни один из менеджеров не сможет сдвинуть этих пропойц с последнего места, – сказал я и одним глотком опростал треть пинты.

– и что хуже всего, я думаю, что подхватил этих мандавошек от своей собственной жены.

я не знал, что мне делать, смеяться или плакать, поэтому промолчал.

раздался очень робкий стук в дверь, затем она отворилась, и мы увидели на пороге какого-то чудилу с бумажными крыльями, прикрепленными к спине. парнишке было лет восемнадцать.

– я хочу помочь клубу, – сказал он.

за его спиной болтались здоровые бумажные крылья. реальный кретин. на спине пиджака прорезаны дырки. черт, а эти крылья то ли приклеены, то ли примотаны, то ли еще чего.

– послушай, – сказал Хендерсон, – будь так добр, съеби отсюда нахуй! нам сегодня хватило комедии на поле, просто

со смеху все подышали, так что пиздуй отсюда без оглядки, сынок!

чудак подошел к столу, глотнул из нашей бутылки и сказал:

– мистер Хендерсон, я ответ на ваши молитвы.

– сынок, – продолжил босс, – ты еще слишком мал, чтобы хлестать такое пойло.

– я старше, чем выгляжу.

– сейчас ты еще повзрослеешь! – пообещал Хендерсон и нажал на кнопку под столом.

а это означало, что через мгновение в офисе появится Буйвол Кронкайт. я не буду утверждать, что Кронкайт убивал направо и налево, нет, я вообще не уверен, что он убил кого-нибудь, но знаю точно, что вам крупно повезет, если вы еще сможете курить через резиновую жопу после того, как он вас обслужит. Буйвол ввалился в офис, чуть было не сорвав дверь с петель.

– который, босс? – промычал он, шевеля своими огромными пальцами и оглядывая комнату.

– вот этот гопник с бумажными крыльями. Буйвол двинулся на парнишку.

– не трогай меня, – пропищал гопник с бумажными крыльями.

Кронкайт кинулся на него – и вдруг, спаси меня господи, этот гопник... взлетел! он порхал по комнате под самым потолком. я потянулся к бутылке, но старый хрыч Хендерсон

опередил меня. Буйвол рухнул на колени и заголосил:

– Господь наш, царствующий на небесах, сжался надо мной! ангел! ангел!

– не будь ослом! – ответил ему ангел, кружа по комнате. – никакой я не ангел, просто я хочу помочь вашей команде. я болел за нее сколько себя помню.

– ладно, приземляйся, давай все обсудим, – сказал Хендерсон.

ангел, или черт знает, кто он там был, опустился на стул. Буйвол подполз к его ногам, стянул с них башмаки с носками и стал целовать грязные лодыжки. Хендерсон наклонился к своему телохранителю и с крайним отвращением на физиономии прошипел, брызгая слюной:

– пошел нахуй, уебище недоразвитое! чего я ненавижу, так это сопливую сентиментальность!

Буйвол утерся и быстренько свалил. Хендерсон стал шарить по ящикам своего стола.

– блядь, где-то у меня тут контракт был... – проворчал он. по ходу поиска контракта обнаружилась еще одна пинта виски. Хендерсон сорвал с горлышка целлофан и посмотрел на парнишку:

– скажи-ка, а бить-то ты умеешь? крученный? наружу? вовнутрь? скользящий?

– а черт его знает, чего я умею, – ответил крылатый чуждик. – мне приходилось скрываться. я только читал газеты и смотрел телевизор, но я всегда болел за «Синих», и было

чертовски обидно за нынешний сезон.

– ты скрывался? где? знаешь, человеку с крыльями трудно спрятаться даже в Бронксе! в чем твоя фишка? как ты это вытворяешь?

– мистер Хендерсон, мне бы не хотелось забивать вам голову техническими деталями.

– кстати, как твое имя, сынок?

– Ирус. Ирус Хриспин. И. Х. – сокращенно.

– эй, сынок, ты что, еб твою мать, прикалываешься надо мной?

– нет, что вы, мистер Хендерсон.

– ну, тогда держи пять. они пожали друг другу руки.

– блядь, у тебя руки как ледышки! ты ел чего-нибудь последнее время?

– немного жареной картошки с цыпленком и пиво. часа в четыре.

– выпей, сынок.

Хендерсон повернулся ко мне:

– Бейли?

– ну?

– обеспечить, чтобы вся эта пиздобратия под названием бейсбольная команда собралась завтра на поле в десять утра, все без исключения. я думаю, что мы наведем шороху покруче, чем со взрывом ядерной бомбы. а теперь сваливаем отсюда, нам всем надо выспаться. у тебя есть где переночевать, малыш?

– конечно, – отозвался И. Х., взмахнул крыльями, вылетел на лестничную площадку и исчез.

стадион был закрыт наглухо, никого, кроме игроков, и они тарасились своими похмельными зенками на парнишку с крыльями и думали, что это какой-то рекламный трюк. или репетиция некой хохмы. команда выползла на поле, нового игрока определили на основную базу, ох, видели бы вы, как округлились припухшие, покрасневшие глаза ребят, когда чудик с крылышками отбил мяч к линии третьей базы, а сам вспорхнул и ПОЛЕТЕЛ к первой! Затем он коснулся земли, и прежде чем игрок третьей базы смог сделать пас, парнишка уже перелетел на вторую базу.

все просто охуели, просто замерли, как осоловевшие бараны на лужайке под утренним солнышком. играть за такую команду, как «Синие», это уже чистое сумасшествие, но сейчас на поле происходило качественно иное безумие.

крылья у парня работали так быстро, что их не было видно, и даже если с утра вы успели принять пару таблеток алкальцера, все равно вам их было не разглядеть. короче, никто и глазом не успел моргнуть, как И. Х. приземлился на основной базе.

вскоре мы выяснили, что парнишка может один справиться на всем внешнем поле, скорость его полета была чудовищной! поэтому мы сняли остальных игроков и перевели их на внутреннее поле, это дало нам дополнительных двоих шот-

стоперов и двоих игроков второй базы. и как бы мы ни были плохи, до чего же мы были хороши!

вечером должна была состояться наша первая игра в чемпионате с Ирусом Хриспином на внешнем поле.

первое, что я сделал после тренировки, это позвонил Багси Мэлоуну.

– Багси, какие там ставки против того, что «Синие» возьмут кубок?

– доска пустая, ни один кретин не поставит на «Синих», даже если будет десять тысяч к одному.

– а сколько ты поставишь?

– ты это серьезно?

– да.

– двести пятьдесят к одному. хочешь поставить доллар, так?

– косарь.

– тысячу?! подожди минутку! слушай, я перезвоню тебе через пару часиков.

телефон зазвонил через один час сорок пять минут.

– хорошо, я принимаю твою ставку. всегда найдется, куда пристроить тысячу баксов.

– спасибо, Багси.

– всегда пожалуйста.

и вот первая игра в новом составе, я никогда ее не забу-

ду. поначалу все решили, что мы подпустили небольшую хохму, чтобы завести толпу, но когда Ирус Хриспин взмыл над полем и, перемахнув через левого защитника в центре поля, опустился на пустующую базу, вот тогда игра началась! я глянул на ложу, в которой сидел Багси. когда И. Х. взлетел, у него изо рта вывалилась пятидолларовая сигара. но в правилах ничего не сказано насчет того, что человек с крыльями не может играть в бейсбол, так что мы всех их держали за яйца, мертвой хваткой. первую игру мы взяли без напряга. Хриспин сделал четыре прямых прохода. наши соперники так и не смогли справиться с нами на внутреннем поле, а уж на внешнем и подавно.

с каждой игрой зрителей становилось все больше и больше. с них было довольно поглазеть на летающего человека, а тут еще такая интрига – до первого места нам было 25 игр, времени оставалось совсем мало, толпа валила без удержу, народ обожает смотреть, как поднимаются из нокаута, а «Синие» все набирали и набирали очки. да, чудесное было время.

налетели журналисты – «Лайф», «Тайм», «Лук», – все они хотели интервьюировать Ируса, но он ничего им не сказал. «я просто хочу, чтобы “Синие” взяли кубок», – был его ответ на все их вопросы.

но наша победа по-прежнему оставалась трудной задачей, даже математически, и, как бывает в книжках, все должна была решить финальная игра сезона, игра за первое место,

победитель получит все. итак – мы или «Бенгалия».

мы не отдали ни одной игры, с тех пор как к нам присоединился Ирус, и я уже ощущал близость 250 косарей. какой я все же хороший менеджер!

перед последней игрой мы были в нашем офисе – старик Хендерсон и я. на лестнице послышался шум, дверь распахнулась, и ввалился И. Х. – пьяный и без крыльев. вместо крыльев только обрубки.

– они отпилили мои гребаные крылья, эти поганые крысы! они подослали ко мне в отель женщину... ох, что это была за женщина! какое тело! они что-то подмешали мне в выпивку! и как только я дорвался до ее шикарной пизды, они навалились и стали отпиливать мне крылья! я не мог пошевелиться! не мог даже яйца подобрать! просто ФАРС! а этот сукин сын с сигарой в зубах все улыбался и хихикал!... ох господи, какая дивная женщина, я просто не смог удержаться... ох блядь...

– эх, парень, ты не первый, кто погорел из-за бабы. кровь не идет? – спросил Хендерсон.

– нет, это же просто кость, но я уничтожен, я подвел вас, я подвел команду, как я себя ужасно чувствую, ужасно, ужасно...

он чувствует себя ужасно? блядь, плакали мои 250 штук. я добил остатки виски. И. Х. был слишком пьян, чтобы выходить на поле, с крыльями или без. Хендерсон просто уронил голову на стол и заплакал. я пошарил в нижнем ящике стола босса, достал его «люгер», сунул пушку в карман

пиджака, покинул офис и спустился в гостевую ложу. я занял место прямо за ложей, где расположился Багси Мэлоун с восхитительной женщиной. это была личная хендерсоновская ложа, но босс напивался вусмерть вместе с погибшим ангелом, и ему ложа была уже без надобности. а команде больше не нужен был я. позвонив в даг-аут, я сказал, чтобы командовал наш центральной отбивающий или кто-нибудь другой.

– привет, Багси!

мы были на своем поле, так что «бенгалыцы» выставили своего отбивающего.

– а где твой центральный игрок? что-то я его не вижу, – отозвался Багси, раскуривая очередную пятидолларовую сигару.

– наш центральный игрок отправился назад на небеса с помощью твоей «сирс-робаковской» ножовки за три с половиной.

Багси рассмеялся и ответил:

– такие парни, как я, могут насрать мулу в глаза, а выйдет мятный джулеп, вот поэтому я там, где я есть.

– а кто эта прекрасная дама с тобой? – поинтересовался я.

– о, это Елена. Елена, это Тим Бейли – наихудший менеджер в бейсболе.

Елена скрестила свои нейлоновые прелести под названием ноги, и я простил Хриспину все.

– приятно познакомиться, мистер Бейли.

– да уж конечно.

игра началась, все вернулось на круги своя – на седьмой подаче счет был 10:0. Багси был сам не свой от счастья, лапал Еленины ножки, терся о нее, весь мир был у него в кармане. он повернулся ко мне и протянул пятибаксовую сигару. я закурил.

– а что, этот парень и вправду был ангелом? – спросил Багси, не скрывая ухмылки.

– он просил называть его попросту И. Х., больше ничего не могу сказать.

– похоже, человек побеждает Бога всякий раз, как они схлестнутся.

– не знаю, но, по-моему, отрезать человеку крылья – это все равно что отхватить ему член.

– возможно, и так, но, как я понимаю, сила заставляет мир двигаться.

– а смерть заставляет его остановиться, так, что ли?

с этими словами я достал «люгер» и приставил дуло к затылку Багси.

– черт возьми, Бейли! держи себя в руках! я отдам тебе половину всего, что имею! ну хочешь, возьми все – эту девку, бизнес, все – только убери пистолет!

– если ты считаешь, что убийство – это сила, так отведай ее!

я спустил курок. кошмар. «люгер». бледно-желтые осколки черепа, ошметки мозга и кровянища повсюду – на мне, на нейлоновых ляжках, на платье...

игра была приостановлена на час, пока нас не увезли со стадиона – мертвого Багси, его бьющуюся в истерике женщину и меня.

Бог над Человеком. Человек выше Бога. мать варила земляничное варенье, в то время как меня от всего просто воротило с души.

а на следующий день, уже в камере, я получил от надзирателя газету:

«СИНИЕ» ВЫРВАЛИ ПОБЕДУ В ЧЕТЫРНАДЦАТИ ПОДАЧАХ СО СЧЕТОМ 12:11!

я подошел к окошку в камере, скомкал газету и стал пропихивать ее сквозь решетку, а когда наконец я вытолкнул комок наружу и он полетел с восьмого этажа и расправился, мне померещилось, что это крылья. да хуйня все это, обыкновенный комок бумаги, шлепнулся с восьмого этажа в море, в бело-синие волны, до которых мне не дотянуться... Бог надирал Человека всегда и постоянно, Бог – он же присутствует везде, и в ебаном «люгере», и в живописи Клее⁵, и вот теперь те нейлоновые ляжки трутся вокруг другого крестина. Багси Мэлоун проиграл мне 250 штук и теперь не мог расплатиться. И. Х. с крыльями, И. Х. без крыльев, И. Х. на кресте – какая разница! я был все еще жив и поэтому отошел от окна, спустил штаны, уселся на тюремный толчок без стульчака и капитально поднатужился. на тюремном толчке

⁵ Клее, Пауль (1879–1940) – швейцарский живописец и график, одна из крупнейших фигур европейского авангарда.

сидел и срал экс-менеджер высшей лиги и экс-человек. вдруг сквозь решетку ворвался легкий ветерок и так же мгновенно ускользнул.

там было невыносимо жарко. я добрал до рояля и стал бренчать. играть я не умею, просто тренькал по клавишам. кто-то пустился в пляс прямо на кушетке. мои ноги на что-то наткнулись. я заглянул под рояль и обнаружил там девицу. она развалилась на полу, юбка соблазнительно задралась. продолжая играть одной рукой, свободную я запустил ей между ног, но то ли от плохой музыки, то ли от моего пальца девица проснулась и выбралась из-под рояля, танец на кушетке тоже прервался. тогда я перебрался на кушетку и вздремнул пятнадцать минут. я не спал две ночи и два дня. и еще было жарко, невыносимо жарко. проснувшись, я стал блевать в кофейную чашку; когда она наполнилась, я продолжил на кушетку, кто-то приволок кастрюлю. вовремя.

я воспользовался кастрюлей. короче, все было отвратно.

поднявшись с кушетки, я направился в ванную. там оказались двое голых парней, один намыливал другому яйца кисточкой и сбривал волосню.

– эй, ребята, мне бы надо просратья, – сказал я.

– валяй, – откликнулся тот, кому брили яйца, – мы не будем тебе мешать.

я вошел и уселся на толчок.

– я слышал, Симпсона уволили из «Клуба-восемьдесят

шесть», – сказал парень с кисточкой и бритвой в руках.

– Кей-Пи-эф-Кей, – ответил его приятель, – они увольняют больше народу, чем «Дуглас Эркафт», «Сирс Робак» и «Трифти Драгз», вместе взятые. одно неверное слово, одно высказывание, не укладывающееся в их концепцию гуманизма, политики, искусства и тэ дэ и тэ пэ, – и ты вне игры. только одному парню на Кей-Пи-эф-Кей это не грозит – Элиоту Минцу⁶. он как тот игрушечный аккордеон – не важно, на какие клавиши жать, звук все равно будет один и тот же.

– ну, давай, – сказал парень с помазком и бритвой.

– что давать?

– помни свою елду, чтобы она встала.

я с плеском отложил здоровенную говеху.

– Господи Иисусе! – воскликнул парень с помазком, правда, он уже бросил его в раковину.

– при чем тут Иисус? – осведомился второй.

– да у тебя залупа с кулак!

– это у меня после аварии, так и осталось.

– хотел бы я попасть в такую аварию, я разродился еще одной говехой.

– ладно, продолжим, – сказал тот, что орудовал бритвой.

– что теперь?

– теперь выгни спину и просунь хозяйство между ляжек.

⁶ В конце 1960-х гг. будущий медиаконсультант и представитель многих звезд шоу-бизнеса (Джон Леннон, Йоко Оно, Боб Дилан и др.) Элиот Минц (р. 1945) вел передачи на лос-анджелесской радиостанции KPFK.

– вот так, что ли?

– ага.

– и что?

– приспусти живот, ниже. сожми покрепче ноги... вот так, отлично! видишь? теперь тебе никогда не потребуется никакая баба!

– ой, Гарри, да разве это похоже на настоящую дыру! что ты мне втюхиваешь? это же говно собачье!

– да надо просто потренироваться! вот увидишь! все получится!

я подтерся, спустил воду и вышел.

добравшись до холодильника, я полез за пивом, взял две банки, открыл обе сразу и приложился к первой. судя по всему, я был где-то в Северном Голливуде. освежившись, я уселся напротив парня с двухфудовой бородищей, на его косматой башке красовался красный жестяной шлем. этот чудила бесился две ночи, но теперь весь спид кончился, и он стал тормозить, правда, еще не отключился окончательно, просто торчал печальный и безучастный, наверно, надеялся долбануться косячком, но никто не проявлял никакой активности.

– Биг-Джек, – поприветствовал я парня.

– Буковски, ты должен мне сорок баксов, – промычал Джек.

– послушай, Джек, сдается мне, что прошлой ночью я вернул тебе двадцать баксов. да, я определенно помню эту двадцатку.

– помнишь? да прошлой ночью ты не помнил, что ты Буковски! ты был пьян, поэтому ничего помнить не можешь!

Биг-Джек терпеть не мог алкашей. рядом сидела его подруга Мэгги, она ввязалась в разговор:

– ты давал ему двадцатку, все правильно, но ты просто хотел еще выжрать. мы пошли и купили тебе пойла, а сдачу вернули.

– ладно, согласен. но где мы вообще? в Северном Голливуде?

– нет, в Пасадине.

– в Пасадине? да ладно вам.

я все наблюдал за огромной занавеской. туда заходили люди, иногда они минут через десять – пятнадцать выходили обратно, иногда пропадали с концами. этот бардак длился уже двое суток. я добил второе пиво, поднялся, отодвинул занавеску и вошел – там была темнотища, воняло дурью и еблей. когда мои глаза свыклись с темнотой, я разглядел клубок человеческих тел, в основном парни, они лизали, сосали и ебли друг дружку. это не для меня. я бабник. к тому же воняло, как в мужской раздевалке физзала после того, как все сделают по паре подходов к брусьям. спермой тоже воняло. я чуть снова не начал блевать, тут ко мне подвалил какой-то светлый ниггер.

– эй, да ты Чарльз Буковски, верно?

– м-гу, – промычал я.

– ух ты! офигеть! я читал «Распятие в руке смерти»⁷! по-моему, ты величайший поэт со времен Верлена!⁸

– Верлена?

– именно Верлена!

тут он придвинулся и заграбастал мои яйца. я отвел его руку.

– в чем дело? – удивился ниггер.

– не сегодня, малыш, я ищу своего друга.

– о, извини... – и отвалил.

я еще раз оглядел этот бордель и уже собирался слинять, как вдруг заметил в дальнем углу бабенку. ноги ее были раскинуты, но, похоже, она пребывала в полном отрубеле. я подгреб поближе и присмотрелся повнимательней. спустил штаны. приспустил трусы. бабенка выглядела что надо. я пристроился и вдул ей. вдул по самые яйца.

– о-о-ох, – простонала подо мной она. – здорово! у тебя такой выгнутый! прямо как багор!

– последствия аварии. это было еще в детстве, свалился с трехколесного велика.

– у-у-ух...

я уже был недалеко от финиша, как вдруг что-то твердое и горячее вонзилось мне между ягодиц. у меня искры из глаз посыпались.

⁷ «Распятие в руке смерти» (Crucifix in a Death-hand) – сборник стихов Буковски, выпущенный в 1965 г. издательством «Луджон пресс».

⁸ Верлен, Поль (1844–1896) – французский поэт-символист.

– эй, какого черта! – завопил я, вскакивая и отбиваясь.
в моей руке оказался огромный хуина.

– чего это ты удумал, приятель? – спросил я его владельца.

– слушай, друг, это такая игра, как в подкидного, – пояснил парнишка. – если сел играть – принимай ту карту, которая тебе выпадет из колоды.

я натянул трусы, затем брюки и удалился.

Биг-Джек и Мэгги исчезли, пара придурков распластались прямо на полу. я отыскал еще пива, прикончил его и вывалился наружу. солнечный свет ошарашил меня, как красная мигалка патрульной машины. я отыскал свою развалюху на чужой подъездной дорожке с прищипленным парковочным талоном. но вырулить можно было, место оставалось. народ тут борзый, но не беспредельщики, за что и люблю.

притормозив на заправке, я узнал у мужика, как мне вырулить на шоссе. я катил домой, обливаясь потом и кусая губы, чтобы не заснуть. вот наконец дома. в почтовом ящике письмо из Аризоны – от бывшей жены.

«...я знаю, ты бываешь одинок и подавлен. сходил бы тогда в “Бридж”. думаю, тебе понравится тамошний народ. во всяком случае, некоторые. или сходи на поэтические чтения в унитарной церкви...»

я пустил воду в ванну – горячую. разделся, отыскал пивка, ополовинил, поставил банку на край ванны и погрузился в воду, взял мыло, мочалку и принялся намыливать сначала ствол, потом яйца.

я встретился с Нилом К., дружкой Керуака⁹, перед самым его отъездом в последнее мексиканское турне за смертью. глаза у него были навывкате, головой он залез чуть ли не в самый динамик. он тряся, подпрыгивал в своей белой футболке, пучил глаза еще сильнее, подпевая клокотавшей музыке, словно кукушка. опережая ритм на какую-то долю такта, он будто командовал парадом. я сидел, потягивая пиво, и наблюдал за ним. у меня с собой было полдюжины или даже дюжина пива. Брайн суетился, давая указания двум юнцам, чтобы они запустили пленку с каким-то фильмом. так он рассчитывал прикрыть провальное выступление поэта из Фриско, черт, забыл его имя... ну, в общем, никто не замечал Нила К. а Нилу К. было наплевать на это. или он так здорово прикидывался. когда два юнца отчалили, а песня в колонках стихла, Брайн представил меня неподражаемому Нилу К.

– угощайся, – кивнул я на упаковку с пивом. Нил выдернул бутылку, подкинул ее, поймал, смахнул пробку и осушил 0,5 л в два глотка.

– бери еще.

– обязательно.

– а я считал себя чемпионом по пиву.

– я шебутной пацан. кстати, читал твои вещи.

– а я твои. про то, как голый парень выпрыгнул в окно из

⁹ Имеется в виду Нил Кэссади (1926–1968), прототип Дина Мориарти в романе Джека Керуака «В дороге» (1957).

ванной комнаты и спрятался в кустах, — отличная штука.

— о да. — он снова приложился к пиву.

Нил не садился, он постоянно двигался, эдакий сгусток энергии, вечный огонь и при всем при этом ни грамма агрессии. он не мог не нравиться, хотя Керуак здорово его подставил, а Нил, конечно, подставился и продолжал подставляться. но сразу было видно, что Нил нормальный пацан, а, с другой стороны, Джек ведь просто написал книгу, это не он создал Нила. скорее уж погубил, вольно или невольно.

Нил танцевал по комнате на подошвах вечного кайфа, его лицо выглядело старым, больным, зато тело — это было тело восемнадцатилетнего.

— не хочешь с ним помериться, Буковски? — поинтересовался Брайн.

— ага, давай помашемся, мужик? — затанцевал вокруг меня Нил.

и снова никакой агрессии — просто игра.

— нет, увольте. мне уже сорок восемь стукнет в августе. я свое отвоевал.

я бы с ним не справился.

— когда ты последний раз виделся с Керуаком? — спросил я.

по-моему, он сказал, то ли в 1962-м, то ли в 1963-м, короче, давно.

так мы выдули все пиво, я за Нилом едва поспевал. и только собрался отчалить за добавкой, как Брайн взял и освобо-

дился и они с Нилом собрались поужинать. заодно пригласили меня. спяну я согласился, не предполагая, чем это обернется.

когда мы вышли на улицу, накрапывал дождь. мелкий, с таким на дороге самый пиздец. я еще ничего не понимал, думал, что поведет машину Брайн, но Нил опередил его и схватился за баранку. Брайн сел рядом с ним, я очутился на заднем сиденье. и вот началась эта гонка по скользким улицам. выскакивая на перекресток, Нил, судя по всему, еще решал, куда ему свернуть – направо или налево, наконец закладывал такой крутой вираж, что мы пролетали мимо припаркованных автомобилей практически по разделительной полосе, если бы он взял хоть на волос правее – на волос, иначе не скажешь, – мы бы точно убились.

после того как машина выравнивалась, я каждый раз произносил нечто нелепое типа: «ебать мой хуй!», Брайн смеялся, а Нил гнал дальше – и опять без ожесточения или воодушевления или сарказма – просто вперед. и я понял: так надо, это его ринг, его ипподром, это было святое и необходимое.

круче всего было у Сансета, мы летели на север к Карлто-ну. дождь усилился, похерив как видимость, так и сцепление с дорогой. повернув с Сансета, Нил готовился к следующему виражу на полной скорости, просчитать все требовалось за долю секунды, за один взгляд. левый поворот на Карлтон – и мы уже на месте, до дома Брайна оставался один квартал. впереди нас двигалась машина. две шли по встречной. Нил

должен был пропустить их, но тогда бы ему пришлось притормозить, влиться в поток — нет, это не для Нила. он пошел на обгон, и я поймал себя на мысли, что мне уже все похую, действительно — до пизды. это все, на что способен мозг в такой ситуации. два автомобиля неслись друг на друга, лоб в лоб, свет фар от встречного уже залил мое заднее сиденье. я так понимаю, в последний момент водитель встречной машины сбавил газ, и мы проскочили, на волосок. должно быть, на это и рассчитывал Нил. мы проскочили, но это было еще не все. теперь мы шпарили на огромной скорости, а впереди, с бульвара Голливуд, медленно выворачивал другой автомобиль, перекрывая нам левый поворот на Карлтон. я навсегда запомнил цвет этого авто — темно-синее древнее купе, угловатое и твердое, как стальной кирпич на колесах. Нил крутанул баранку влево, мне показалось, что мы сейчас протараним купе прямо по центру. это было очевидно, но каким-то образом траектории движения нашего автомобиля и темно-синего крокодила не пересеклись... мы снова проскочили на волосок. наконец Нил припарковался, и мы выбрались на волю. Джоан подала нам ужин.

Нил слопал все, что ему принесли, и большинство из того, что причиталось мне. на столе было немного вина. нянкой к своим отпрыскам Брайн нанял сверхинтеллигентного молодого гомосека, которого я хватал за задницу, когда он проходил мимо. ему это нравилось. я думаю, он впоследствии связался с какой-нибудь рок-группой или покончил с собой,

ну, что-то в этом духе.

мы тогда долго просидели, выпивая и болтая с Нилом. гомики все пытался поговорить о Хемингуэе, как-то приравнять меня к нему, пока я не попросил его заглохнуть, тогда он поднялся наверх проверить малыша Джейсона. а спустя несколько дней после этого вечера мне позвонил Брайн.

– Нил умер, – сказал он.

– блядь, не может быть!

Брайн рассказал мне кое-какие подробности и распро-
щался.

вот так вот.

все эти путешествия, вся керуаковская писанина, тюрьма – и что? все только для того, чтобы подохнуть в одиночестве под холодной мексиканской луной? одному? вы понимаете? представили себе эти жалкие ничтожные кактусы? Мексика плохое место не потому, что угнетает, Мексика – это просто плохое место. представили себе этих обитателей пустынь? этих лягушек, рогатых и простых; змей, как мозговые изви-
лины, ползающих, замирающих, выжидающих – безмолвных под немой луной, рептилий и прочих, как они тарашатся на бездыханного парня в белой футболке, запорошенного пес-
ком.

эх, Нил, он обрел свой путь, безобидный шебутной пацан остался лежать под насыпью мексиканской железки.

в тот единственный вечер, когда мы виделись, я сказал ему:

– Керуак написал все твои главы. я уже пишу последнюю.
– валяй, – согласился он. – пиши.
конец.

лето там длиннее, где висят самоубийцы и мухи жрут куличики. он – знаменитый уличный поэт 1950-х и все еще жив. я бросил пустую бутылку в канал, мы в Венеции, Джек окопался здесь на неделю, через несколько дней ему где-то читать. канал выглядит странно, очень странно.

– глубины только-только, чтобы утопиться.

– да, – хрипит Джек киношным голосом крутого парня из Бронкса. – ты прав.

в свои 37 он уже седой. нос крючком, горбится, энергичный, испытанный, мужественный, очень мужественный, легкая еврейская улыбка, возможно, он и не еврей. я его не спрашивал.

он знает всех. он обоссал ботинки Барни Россета¹⁰ на одной вечеринке, потому что ему не понравилось, как тот высказывался. Джек знает Гинзберга, Крили, Ламантию¹¹ и прочих и прочих, и теперь он познакомился с Буковски.

¹⁰ Барни Россет (р. 1922) – глава издательства «Гроув пресс» (с 1951 г.) и главный редактор журнала «Эвергрин ревью» (1957–1973). Выиграл судебно-цензурные войны за право публикации в США «Голого завтрака» Уильяма Берроуза, «Тропика рака» Генри Миллера и полной версии «Любовника леди Чаттерлей» Д. Г. Лоуренса.

¹¹ Аллен Гинзберг (1926–1997), Роберт Крили (1926–2005), Филип Ламантия (1927–2005) – поэты-битники.

«...да, Буковски навещал меня в Венеции. вся морда в шрамах, плечи опущены, выглядит очень измученным. много не болтает, а когда начинает высказываться, то горючит чушь, банальность. ни за что не подумаешь, что он написал все эти книжки стихов, правда, он слишком долго служил на почте, деградировал, там сожрали его душу. чертовски досадно, но вы знаете, как это бывает, но он еще держится, храбрится, ну, вы понимаете...»

Джек знает суть вещей. смешно, но действительно, люди не заслуживают большого внимания. да, я понимаю, все это бессмысленный треп, но знаете, как это смешно слышать, когда сидишь у канала в Венеции и пытаешься спастись от жуткой похмельюги.

он листает книгу с фотографиями поэтов. меня нет в этой книге. я поздно начал и слишком долго жил в одиночестве и хлестал дешевое вино. они-то всегда считали, что отшельничество – это болезнь, наверное, они правы.

он листает книгу. господи, какой маразм – сидеть здесь, изнывая от похмелья над тихими водами канала рядом с Джеком, разглядывающим книгу. я вижу пятна солнечного света, носы, уши на глянцевых страницах. и хотя мне наплевать, но я думаю, что надо бы поговорить о чем-нибудь. я не умею складно болтать, так что ему приходится за двоих, так и сидим, канал переполнен тоской.

– пару лет назад у этого парня съехала крыша... а этот хотел, чтобы я отсосал у него за то, что он издаст мою книгу.

– ты согласился?

– я? да я его так отмудохал! вот этим!

он демонстрирует мне свой бронксовский кулак.

я смеюсь. он приятный малый и живой человечище. каждый мужик боится показаться педиком. я уже устал от этого. может, нам всем следует стать гомиками и расслабиться? многие боятся выступить против гомосексов, многие – против левых. мне насрать, к чему это приведет, я знаю только одно – многие боятся.

Джек не гнилушка. за последнее время я перевидал много интеллектуалов, и меня утомляют изощрения их интеллекта, потому что если только они открыли рот, то должны непременно изречь нечто великое. я устал бороться за каждую пядь пространства для разума, поэтому-то я сторонился людей так долго, и сейчас, окунувшись в людскую массу, понимаю, что должен вернуться в свою пещеру. есть другие вещи помимо разума: есть насекомые, есть пальмы, есть перечницы, и в моей пещере будет перечница, как смешно.

люди всегда предадут вас.

никогда не доверяйте людям.

– всей этой поэтической возней заправляют педики и левые, – проговорил Джек, уставившись в канал.

в его словах есть доля правды, той, о которой и спорить противно. не знаю, что с этим делать. естественно, я в курсе, что в этой игре вокруг поэзии что-то не так, – книги самых знаменитых всегда такая скукотища, включая Шекспи-

ра. значит, и тогда творилось то же самое, а?

я решил подбросить Джеку еще какого-нибудь дерьмеца.

– помнишь, был поэтический журнал? не знаю, то ли «Мопро», то ли «Шапиро», сейчас это такой отстой, что я его больше не читаю, так по этому поводу вспоминаются строчки Уитмена: «чтобы существовали великие поэты, у них должна быть великая публика». что ж, я всегда считал Уитмена более великим поэтом по сравнению с собой, но сегодня, я думаю, эту строку следует читать наоборот: «чтобы иметь великую публику, нужно иметь великих поэтов».

– да, это так, все правильно, – отозвался Джек. – недавно на какой-то пьянке я повстречался с Крили и спросил его, читал ли он Буковски. он замкнулся наглухо, не хотел отвечать мне, короче, я думаю, ты понимаешь, о чем я толкую.

– ладно, пошли нахуй отсюда, – сказал я.

мы двигаемся к моей машине. да, у меня имеется автомобиль, естественно, ведро с болтами. Джек не расстается со своей книгой, все листает.

– этот хмырь сосет за милую душу.

– серьезно?

– а этот женился на школьной учительнице, она лупит его кнутом, стерва. он с тех пор, как женился, ни строчки не накропал. все, заарканила парня своей пиздой-удавкой.

– это ты про Грегори¹² говоришь или про Керо?

– да нет, это другой.

¹² Грегори – то есть поэт-битник Грегори Корсо (1930–2001).

– ни хуя себе!

мы идем к моей развалюхе, я чувствую себя глуповато, но плюс ощущаю энергию этого человека, ЭНЕРГИЮ, и сообщаю, что, возможно, иду рядом с одним из немногих великих поэтов-самоучек нашего времени. Но потом думаю, да и пофиг, по здоровом-то размышлении.

мы загружаемся в авто. развалюха заводится, но коробка передач опять наебнулась. приходится плестись на пониженной всю дорогу, а эта сука глохнет на каждом светофоре, аккумулятор сел, и я молюсь, чтобы кляча снова завелась, чтобы не попались на пути копы, чтобы не заполучить еще один арест за пьяное вождение, чтобы не было больше мессий на каких бы то ни было распятиях. у нас есть выбор – между Никсоном, Хамфри¹³ и даже Христом, но куда ни повернем – все равно нас выебут... я сворачиваю налево и бью по тормозам – мы прибыли.

Джек все листает книгу.

– этот парень молодец, убил себя, своего отца, мать и жену... не тронул только троих детей и собаку. лучший поэт со времен Бодлера¹⁴.

– серьезно?

– серьезно, блядь.

¹³ Имеются в виду президентские выборы 1968 г., когда республиканцы выставили Ричарда Никсона (1913–1994), а демократы – вице-президента Губерта Хамфри (1911–1978); победил Никсон.

¹⁴ Бодлер, Шарль (1821–1867) – видный французский поэт и критик, переводчик Эдгара По.

мы выбираемся из машины, я отмахиваю крестное знамение за здоровье батюшки-аккумулятора, чтобы его хватило хотя бы еще на один пуск.

Джек барабанит в дверь:

– эй, Птаха! Птаха! это Джек!

дверь отворяется, и я вижу Птаху. приглядываюсь внимательнее, потом еще внимательнее. я никак не могу разобрать – мужчина это или женщина. лицо – очищенная дурманящая сущность непорочной красоты. да – это мужчина. понимаю по движениям, и еще понимаю, что парень может с легкостью огрести дюлей и нарваться на крайнюю жестокость при каждом появлении на улице. его могут даже убить за то, что он не превратился в мертвеца. я на девять десятых уже труп, но одна десятая во мне еще сохраняет жизнь, как последняя пуля в стволе.

– Птаха, мне нужно двадцать, – говорит Джек. Птаха отшелушивает ему денег, плавным и бесстрастным движением.

– спасибо, малыш.

– пожалуйста. зайдете?

– можно.

мы входим. садимся. оглядываю книжный шкаф. не вижу ни одной глупой книжонки. все, на что натыкаюсь, меня когда-то восхищало. что за черт? это сон? а рядом прекрасное лицо этого парня, и каждый раз, когда я смотрю на него, мне становится хорошо, так хорошо, как будто после очередного

запой, спустя неделю голодухи перед тобой появляются горячие бобы с соусом чили, ну, блядь, вечно я на страже.

Птаха. и океан. и сдохший аккумулятор. ведро с болтами. копы, патрулирующие свои дурацкие сухие улицы. что за гнусная война идет? и что за идиотский кошмар, лишь холодное пространство прошмыгнет между нами, всех ждет крах, очень скоро мы превратимся в никчемные, разбитые детские игрушки, в каблучки, что сейчас сбегают по лестнице так весело, а потом разваливаются вдрызг – и нет их, нет, болваны и тупицы, болваны и тупицы, нахуй всю эту нашу напускную храбрость!

перед нами появляется кварта виски. я одним глотком засосал четверть пинты, блядь, я поперхнулся, слезы брызнули градом, идиот, скоро уже полтинник, а я все пытаюсь изображать крутого – вонючий Герой-Блевотина.

приходит жена Птахи. мы знакомимся, она вся такая плавная в коричневом платье, она просто струится вся, струится, а глаза смеются, а она струится, говорю вам, струится...

– УХ ТЫ! УХ ТЫ! УХ ТЫ! – восклицаю.

она так хороша, что я подхватываю ее, обнимаю и кружу, смеясь. никто не считает, что я сбрендил, все просто смеются, все всё понимают. я отпускаю ее, мы снова усаживаемся.

Джек рад, что я не стесняюсь. он взвалил на себя мою душу и утомился, он просто сидит и ухмыляется, он молодец. нечасто в жизни удастся посидеть в комнате с людьми, которые помогут тебе, лишь только ты согласишься на них,

послушаешь их. это был именно такой волшебный момент. я понимал это. я раскраснелся и полыхал, как кукурузное рагу с красным перцем. но это не важно.

я взял и засосал еще четверть пинты, от смущения. осознал, что из нас четверых я самый слабый, и я не хотел им навредить, просто решил реализовать их спокойную святость. я любил, как обезумевший пес, который ворвался на площадку, где выгуливают истекающих соком сучек, только здесь мне могли показать и другие чудеса кроме спермы.

Птаха посмотрел на меня и спросил:

– видел мой коллаж?

затем выставил на обозрение какую-то поебень, увешанную женскими сережками, клипсами и всякой такой дрянью.

(кстати... похоже, по ходу повествования я перескакиваю с настоящего времени на прошедшее, и если вам это не нравится... вставьте ниппель себе в мошонку. наборщику – оставь как есть.)

короче, я пускаюсь в долгое, занудное витийство о том, отчего и почему мне не нравится то или это, а также о том, как страдал на занятиях всяким искусством...

Птаха выдергивает из меня затычку.

тогда я говорю, что вся эта муть с «нарезкой», «мозаикой» и «коллажами» всего лишь модная развлекуха, и Птаха усмехается мне. я не раз слышал всякие закулисные разговоры о том, что, пожалуй, единственный наркоман, кто по-настоящему экспериментирует с «нарезкой», это Уильям Берроу-

уз¹⁵, который владеет компанией Берроузов, он умеет прикидываться крутым, тогда как внутри жирный слабак и говно свинячье. вот что я слышал по большому секрету. правда ли это? а хрен его знает, в любом случае Берроуз абсолютно душный писака, и если бы не эти литературные шишки, с которыми он якшался, то он бы остался ничем, как и Фолкнер почти нуль для всех, кроме парочки крайних экстремистов с Юга, таких как мистер Коррингтон¹⁶ и мистер Нод – два друга, хуй да подпруга.

– парень, – подступили они ко мне, – да ты пьян.

да, я пьян. я пьян. я пьян.

ничего не остается, как только разбушеваться или лечь спать.

они готовят для меня постель.

слишком быстро я пью. они продолжают беседовать. я слышу их беседу, еле-еле.

я засыпаю. засыпаю в окружении друзей, море не поглотит меня, и друзья тоже. они любят мое сонное тело. я мудак, а они любят мое сонное тело. всем бы детям Божиим кончить

¹⁵ Уильям Берроуз, который владеет компанией Берроузов... – Уильям Берроуз (1914–1997), писатель-битник и автор «Голого завтрака», был внуком Уильяма Берроуза, изобретателя счетных машин и основателя компании по их выпуску, Wintoughs Corporation (а также сыном Мортимера Перри Берроуза, владельца фабрики по производству стекла).

¹⁶ Коррингтон, Джон Уильям (1932–1988) – писатель и поэт, сценарист, юрист, профессор университета Луизианы; написал предисловие к сборнику стихов Буковски «Оно ловит мое сердце голыми руками» (1963).

так.

Господи Боже наш милостивый...
кого ебет дохлый аккумулятор?

боже сохрани, то был сущий кошмар – эти бляди, словно вырвавшись из самой преисподней, закрутили меня с моим картонным чемоданом возле Таймс-сквер.

в конце концов я выведал у них, как мне попасть в Виллидж, добрался и снял там комнату. откупорив бутылку вина и скинув ботинки, я обнаружил, что в комнате есть мольберт, но я не был живописцем. скорее просто парнем в поисках мало-мальской удачи. я сидел перед мольбертом, пил вино и смотрел в грязное окно.

вино вышло, я отправился прикупить еще, в коридоре мне на глаза попался парнишка в шелковом халате, берете и сандалиях, на лице – тщедушная бороденка, он стоял и разговаривал по телефону:

– ах, да-да, дорогуша, я должен тебя увидеть, о да, непременно! иначе вскрою себе вены!.. да!

«надо мне убираться отсюда, – подумал я. – он же не отважится перерезать даже свои шнурки, что за отвратная козьявка». такие здесь встречались повсюду, в уютных кафе, ресторанах, скверах. нацепив береты и спецовки, они корчили из себя художников.

я пропьянствовал неделю, квартплата кончилась, и я нашел себе комнату в другом районе, просили за нее, при та-

ком размере и состоянии, слишком дешево, сразу я не просек почему. неподалеку был бар, я просидел в нем весь день, потягивая пиво. деньги были на исходе, и, как обычно, меня ломало искать работу. жизнь в пьянь и впроголодь как-то легче поддавалась моему пониманию. на ночь я прикупил две бутылки портвейна, вернулся в комнату, скинул с себя одежду и в полной темноте забрался на кровать. нашарив стакан, я наполнил его, и тут стало ясно, почему комната обошлась мне так дешево. за окном проходили поезда надземки, мало того, там была остановка, прямо напротив моего окна. сначала комнату заливал яркий свет прибывающего поезда, затем состав останавливался, и прямо передо мной возникал вагон лиц, ужасных рож: проститутки, уроды, кидалы, безумцы, убийцы – мои типажи. поезд отчаливал, и комната снова погружалась в темноту – до следующей череды лиц, которая не заставляла себя долго ждать. без выпивки было нельзя.

домом владела еврейская пара, они еще держали прачечную и швейную мастерскую через дорогу. и я решил, что моим тряпкам нужна чистка, поскольку на горизонте моего безумия, пердя и рыгая, замаячил призрак охоты за работой. бухой в жопу я заявился к ним со своим хламом.

– ...надо это чистить или мыть... или как-то это... чего-нибудь...

– бедняжка! как ты ходишь в таком рванье! я даже окна не смогла бы вымыть такой тряпкой, скажу тебе вот что... эй, Сэм!

— да?

— покажи этому пареньку тот костюм, что мужчина оставил!

— да-да, это отличный костюм, мама! ума не приложу, как он мог его оставить!

не буду приводить весь диалог, главное, я настаивал на том, что костюм маловат, они не соглашались. тогда я сказал, что если он не маловат, то точно дороговат. они запросили семь. я сказал, что не потяну. они спустились на шесть. я сказал, что практически на нуле. когда они опустились до четырех, я настоял, чтобы меня втиснули в костюм. они согласились. я отдал четыре доллара, вернулся в комнату, разделся и лег спать. когда проснулся, было еще темно (кроме тех моментов, когда прибывал поезд), и я решил надеть свой новый костюм и пойти поискать женщину, прекрасное существо, естественно, для поддержки мужчины со скрытыми еще пока талантами.

когда я влез в брюки, промежность лопнула и разошлась по шву до самой спины, ну, это не ослабило моего боевого духа, на улице было прохладно, но я решил, что пиджак закроет прореху. стал его натягивать, левый рукав лопнул под мышкой, и наружу вывалилась тошнотворная липкая подкладка.

опять опускалово.

выкинув остатки костюма, я решил, что пора снова съезжать.

нашел новое жилье, вернее, что-то типа подвала, под лестницей между мусорными баками. теперь я был на своем уровне.

в первую же ночь, оказавшись на улице после закрытия бара, я обнаружил, что потерял ключи. на мне была только тонкая белая футболка. спасаясь от холода, я залез в автобус и катался туда-сюда, пока водитель не объявил конечную остановку или что автобус идет в парк. точно не помню, был пьян.

когда я выгрузился из автобуса, кстати, холодрыга стояла страшная, то оказался прямо перед стадионом «Янкиз».

о боже, подумал я, ведь здесь играл герой моего детства – Лу Гериг¹⁷, и именно здесь сегодня я подохну от холода, блядь, как все сходится.

я побрел наугад и вскоре нашел кафе. вошел. все официантки – негритоски средних лет, зато кофейные чашки большие и порция кофе с пончиком стоила суший пустяк. я взял порцию, уселся за стол, махом проглотил пончик и стал попивать кофе. затем достал сигарету и закурил.

вдруг слышались возгласы:

– ВОЗБЛАГОДАРИ ГОСПОДА, БРАТ!

– О, ВОЗБЛАГОДАРИ ГОСПОДА, БРАТ!

я оглянулся, все официантки склонились в молитве передо мной, и даже некоторые посетители тоже. это было так чу-

¹⁷ Лу Гериг (Генри Луи Гериг, 1903–1941) – защитник первой базы Главной лиги бейсбола, всю свою карьеру выступал за команду «Нью-Йорк Янкиз».

десно, наконец-то ко мне пришло признание, будьте вы прокляты, и «Атлантик»¹⁸, и «Харперз»¹⁹, гений всегда пробьется. я улыбнулся им всем и глубоко затынулся.

и тут одна из официанток как гаркнет:

– НЕ КУРИ В ДОМЕ ГОСПОДНЕМ, БРАТ!

пришлось сигарету выбросить. допив кофе, я вышел на улицу и на окнах заведения прочитал:

«МИССИЯ ОТЦА НАСТОЯТЕЛЯ».

я снова закурил и двинулся в долгий путь к своему пристанищу. когда добрался, то на мой звонок никто не ответил. в конце концов я растянулся поверх мусорных баков и уснул. я знал, что внизу меня достанут крысы. я был смышленным парнишкой.

да я был настолько смышлен, что на следующий день умудрился найти работу. и той же ночью, трясущийся с похмелья, совершенно подавленный, приступил к своим обязанностям.

два пожилых мужика вводили меня в курс дела. они работали в метро со дня его открытия. мы тронулись в путь. у каждого в одной руке тяжелая пачка картонных плакатов, в другой – маленький инструмент, смахивающий на открывашку от пивной банки.

¹⁸ «Атлантик» (The Atlantic Monthly) – влиятельный литературно-публицистический журнал, выходил в Бостоне с 1857 г.

¹⁹ «Харперз» (Harper's Magazine) – нью-йоркский литературно-публицистический журнал, выходит с 1850 г.

– в Нью-Йорке у всех есть зеленые жучки, сплошняком у всех, – поведал один старикан.

– неужели? – удивился я, хотя мне было насрать, что там за жуки и какого они цвета.

– ты сам увидишь их на сиденьях, мы каждую ночь находим.

– ага, – подтвердил другой старикан.

мы двигались дальше.

бог ты мой, думал я, случилось ли такое с Сервантесом?

– теперь смотри, – начал урок один из моих наставников, – каждый плакат имеет свой номер, мы меняем старый плакат на новый с таким же номером.

хлоп, хлоп, он отогнул открывашкой планки, вставил новую рекламу, загнул планки на место, старую рекламу сунул под низ стопки новых плакатов.

– ну, теперь ты попробуй.

я попробовал. узкие планки не поддавались. открывашка мне досталась дрянная, и к тому же меня мутило и трясло.

– со временем врубишься, – успокоил наставник.

«да я уж врубился, мутила», – подумал я про себя. мы двинулись дальше.

пройдя весь состав, мы вышли наружу, и мои наставники потопали дальше прямо по шпалам вдоль путей, расстояние между шпалами было не меньше трех футов, тело могло просвистать между ними без всякого труда, а пути проходили на высоте 90 футов от уровня улицы, до следующего

же состава было не меньше 90 футов. старики, проскакав по шпалам с тяжелыми кипами плакатов под мышкой, уже ждали меня возле следующего поезда. в это время на соседних путях остановился поезд, все вокруг осветилось. теперь я мог отчетливо видеть под собой эту трехфутовую брешь. Ну и что из того.

– ну же! давай живей! мы спешим!

– да к черту вас и вашу спешку! – заорал я в ответ и ступил на шпалину, с тяжелой кипой картонных плакатов в левой руке и открывашкой в правой, первый шаг, второй, третий... похмелюга, тошнота.

поезд на остановке забрал всех пассажиров и уехал. стало темно, как в сортире, даже темнее. я ничего не видел. я не мог сделать ни следующего шага вперед, ни повернуть назад. я просто застыл.

– давай! шевелись! нам еще много поездов надо обойти!

наконец мои глаза немного привыкли к темноте. пошатываясь, я двинулся дальше, некоторые шпалы были растрескавшиеся и ходили ходуном под ногами. я останавливался, слышав их болезненный визг. и так один пронизывающий до нутра шаг за другим, и с каждым следующим я ждал, что полечу вниз.

добравшись до поезда, я швырнул плакаты и открывашку на пол.

– чё такое?

– чё такое? чё такое? – сказал я. – НАХУЙ ВСЕ ЭТО!

– да что случилось?

– один неверный шаг – и человек убьется, вы что, идиоты, не понимаете?

– да никто еще не убился.

– никто не пьет так, как пью я, ладно, проехали, давайте колитесь лучше, как мне свалить отсюда.

– ну, есть лестница вниз, вон туда – направо, но это надо идти через пути, а не вдоль, а там два или три контактных рельса.

– блядь, что еще за контактные рельсы?

– те, что под напряжением, наступишь – и тебе конец.

– показывайте дорогу.

стариканы указали мне на лестницу, навскидку она была не слишком уж и далеко.

– благодарю, джентльмены.

– следи за контактным рельсом, он золотого цвета, не прикасайся к нему, а не то сгоришь.

я двинулся вперед и чувствовал, как они смотрят мне вслед. каждый раз, когда я оказывался перед контактным рельсом, я исполнял высокий и причудливый шаг, в лунном свете эти рельсы выглядели нежно и мирно.

я добрался до лестницы, и жизнь возвращалась в меня. внизу был бар. оттуда доносился смех посетителей. я зашел и сел, какой-то парень трендел о том, как его мамаша заботится о нем, пытается научить играть на пианино, платит за уроки рисования, а он разными путями выуживает из нее

деньги и бухает. весь бар хохотал. я тоже рассмеялся. парень был просто гений, ему бы на эстраду, а он тут задарма разоряется. я хохотал вплоть до закрытия бара, пока мы все не разошлись, увлекаемые каждый своим путем.

вскоре после этого я покинул Нью-Йорк и никогда больше не возвращался и не вернусь. города выстроены, чтобы убивать людей, есть, конечно, города фартовые, но большинство – нет. в Нью-Йорке вы должны ухватить госпожу удачу за хвост. про себя я знал, что не фартовый.

а вот в Канзас-Сити, куда я свалил, мне подфартило снять прекрасную комнату. я сидел там и слушал, как управляющий мутузит горничную за то, что ей не удалось раскрутить меня на бабки своей вертлявой задницей. снова все было реально, удобоваримо и разумно. под вопли и крики я не спеша прикладывался к своему стакану, затем разделся и залез под чистые простыни. к этому времени парень распалился не на шутку и колотил горничную головой о стену.

ну, может, в следующий раз, когда не буду так утомлен поездкой на автобусе, я дам ей подзаработать, ведь у нее классная задница, которая, надеюсь, не пострадает в их шумной драке. короче, я был далеко от Нью-Йорка, почти цел и невредим.

что это были за ночи, в те давние времена в «Олимпийском»! комментировал маленький лысый ирландец (кажется, его звали Дэн Тоби?), во уж у кого был стиль, Дэн перевидал всякое, наверняка еще мальчишкой видел бои на речных

баржах, хотя, может, он и не такой старый, ну уж бой Демпси против Фирпо²⁰ застал в любом случае. до сих пор вижу, как он берет шнур и медленно подтягивает к себе микрофон. а большинство из нас были пьяны еще до первого боя, но не мертвецки пьяны, а ровно наоборот, курили сигары, наслаждаясь вкусом жизни, ожидая, когда на ринг выведут двух парней, жестоко, но так уж оно все устроено, с нами-то делали то же самое, и ничего, как-то выживали, и почти каждый из нас приходил со своей крашеной рыжей шалавой или крашеной блондинкой, даже я. ее звали Джейн. между нами частенько вспыхивали горячие поединки раундов на десять, один закончился для меня нокаутом. и я был горд, когда она возвращалась из дамской комнаты и вся галерка начинала топать, свистеть и вопить, наблюдая, как Джейн виляет своей здоровенной волшебной задницей, обтянутой узкой юбкой, – да, то была воистину волшебная жопа, она могла срубить мужика в ноль, чтобы тот, корчась в конвульсиях, возносил слова любви к бетонному небу. Джейн садилась рядом со мной, я подавал ей, как корону, бутылку, она отхлебывала, возвращала бутылку, а я кивал на ребят с галерки: «вот же драчили, всех порву!»

просмотрев свою программку, она спрашивала: «ну, кого выберешь в первом?»

²⁰ 14 сентября 1923 г. чемпион мира в тяжелом весе Джек Демпси (1895–1983) провел защиту титула от аргентинца Луиса Анхеля Фирпо (1894–1960). Это был один из самых знаменитых боев в истории профессионального бокса.

я неплохо умел угадывать победителя – почти на 90 процентов, – но сначала мне нужно было взглянуть на бойцов. я всегда выбирал парня, который меньше суетился, которому, казалось, и драться-то неохота. и если один боец крестился перед гонгом, а другой нет, я знал победителя – тот, который не крестится. но обычно это срабатывало вкуче: если парень танцевал перед боем, демонстрируя весь набор боксерских па, то он и крестился, и он же получал по заднице.

в те дни было мало неинтересных боев, а если и случались, то, как и сейчас, между тяжеловесами. но тогда мы им спуска не давали – мы забрасывали ринг, устраивали пожары и ломали сиденья. и они не позволяли себе слишком часто фило- нить. туфту гнали в «Голливудском легионе», так мы в «Ле- гион» и не ходили. даже голливудовцы знали, что настоящая жизнь в «Олимпийском». Рафт приходил и прочие, с толпой старлеток. первый ряд был всегда бронирован для них. ну а на галерах буйствовало быдло. и бойцы бились как подоба- ет. трибуны тонули в облаках сигарного дыма, мы орали как безумные: «давай, малыш! давай!» – и швыряли деньги, ла- кали виски. а когда все заканчивалось, мы, перекусив по до- роге, развозили наших крашенных боевых подруг по любов- ным гнездышкам и, засадив пистон, засыпали как пьяные ан- гелы. ну и кому нужны библиотеки? кому нужен Эзра? Т. С., Э. Э.? Д. Г., Г. Д.? всякие там Элиоты? всякие Ситуэллы²¹?

²¹ Имеются в виду следующие поэты и писатели: Эзра Паунд (1885–1972),

я никогда не забуду ту ночь, когда впервые увидел юного Энрике Баланоса. в то время у меня был фаворит, один чернокожий парень. обычно перед началом боя он выходил на ринг с белым ягненком, крепко прижимая его к себе, пошлость, конечно, но парень был крепок и ловок, а крепкому и ловкому бойцу можно и послабление сделать, верно?

короче, он был моим героем, и звали его, ну, скажем, Ватсон Джонс. Ватсон имел вкус и неплохое чутье – взрывной, быстрый, резкий, находчивый и сокрушительный, он получал удовольствие от своей работы. и вот как-то вечером, без анонса, кто-то взял и выставил против него молодого Баланоса. это уже было серьезно, он постепенно вымотал Ватсона, потом перехватил инициативу и ближе к концу прикончил его. моего героя! даже не верилось. насколько помню, Ватсон был нокаутирован, и вечер превратился в сплошной кошмар. с пинтой виски в руках я вопил, моля о пощаде, зывал к победе, которой уже просто не могло случиться. сомнений не оставалось, она уходила к Баланосу – этот гад вместо рук имел пару змей, и он не двигался, а скользил, извивался и насккивал, как дьявольский паук, который всегда на чеку и всегда готов напасть. я быстро понял, чтобы побить Баланоса, нужен боец, превосходящий его на голову, а Ватсон мог забирать своего ягненка и валить домой.

Т. С. Элиот (1888–1965), Э. Э. Каммингс (1894–1962), Дэвид Герберт Лоуренс (1885–1930), Генри Дэвид Торо (1817–1862), Эдит Ситуэлл (1887–1964) и ее братья Осберт Ситуэлл (1892–1969) и Сэчеверелл Ситуэлл (1897–1988).

и той ночью, пока я не признал, что победил лучший, виски вливалось в меня морским приливом, я сражался со своей бабой, я проклинал ее, сидящую предо мной и демонстрирующую свои восхитительные ляжки.

— Баланос. отличные ноги. он не думает. чистая реакция. лучше не думать. сегодня тело победило душу. так обычно и происходит. прощай, Ватсон, прощай, Центральное авеню, занавес!

я швырнул свой стакан в стену и вышел на улицу, чтобы подцепить другую женщину. я был глубоко уязвлен. она была прекрасна. нас ждала постель. помню, через открытое окно прыскал легкий дождь, но мы не стали его затворять. и это было здорово. это было так восхитительно, что мы дважды занимались любовью, и потом уснули лицами к окну, и дождь всю ночь поливал нас, и наутро и простыни, и мы промокли до нитки, мы соскочили и стали чихать, чихать и хохотать: «черт! черт!» это было так весело, а где-то лежал с разбитым и раскисшим лицом бедный Ватсон, ему светила ИЗВЕЧНАЯ ИСТИНА, бои в шесть раундов, в четыре, вот он уже вместе со мной на фабрике, где смертельный восьми-, а то и десятичасовой рабочий день за гроши, путь в никуда, шестеришь на Старуху Безносую, мозги вдребезги, душа вдребезги... как мы чихали! «черт!» такое веселье! и она сказала: «ты весь синий! господи, ты весь посинел, глянь на себя в зеркало!» я действительно замерз насмерть и, встав перед зеркалом, увидел, что весь СИНИЙ! смех! череп

и дерьмо с костями! я рассмеялся, смех перерос в гогот, я грохнулся на пол, она на меня, мы оба гоготали, мы гоготали и гоготали, черт, это продолжалось, пока я не решил, что мы спятили, и было уже пора вставать, одеваться, причесываться, чистить зубы, жрачка не лезла, сбилевал, пока чистил зубы, и отправился на фабрику осветительных приборов, солнышко пригревало, и это была единственная приятность, но, как говорится, бери, что дают.

Санта-Анита, 22 марта, 1968, 15.10. я не угадал с фифти-фифти на Крошку Куило под Альпендансом. четвертый забег позади, а я не при делах, спустил \$40, во втором нужно было ставить на Боксера Боба под Бьянко, одним из лучших малоизвестных жокеев, ставка 9/5; посади любого другого, скажем Ламберта, или Пинеду, или Гонсалеса, и ставка на того же коня будет 6/5 или фифти-фифти. но как гласит народная мудрость (я сочиняю народные мудрости, бродя в лохмотьях), знание без практики хуже, чем полное незнание. потому что если вы действуете наугад и это не работает, можете просто плюнуть и сказать: «блядь! сегодня боги не на моей стороне!» но если вы знаете и не делаете, то постепенно начинаете плутать по мансардам и темным коридорам своего сознания и во всем сомневаться. это вредно для здоровья, ведет к мрачным вечерам, перебору с бухлом и мусородробилке.

ну ладно. постепенное угасание не для заядлых игроков.

они умирают. тяжело и раз и навсегда, где-нибудь на 5-й Восточной или продавая газеты на улице, в капитанской фуражке, и прикидываясь, что это просто шутка, а у самих мозги в раскоряку, кишка тонка, хрен бесхозный. азартные игры есть форма мастурбации, так сказал один известный теперь философ, некогда любимый Фрейдов ученик, его еще моя бывшая вечно читала. а здорово быть смышленным парнишкой и выдавать такие сентенции. и ведь всегда найдется доля правды фактически в любом умозаключении. вот если бы я был таким сообразительным, я бы изрек что-то типа этого: «чистить ногти грязной пилочкой есть форма мастурбации». и вероятно, выиграл бы стипендию или грант, пэрство и 14 чумовых чувих в придачу. но, имея за спиной заводские курилки, парковые скамейки, грошовые заработки, мерзких баб и жизненное ненастье, я говорю следующее: обычный человек оказывается на ипподроме потому, что его сводят с ума вечное клацанье затвора, полоумная физиономия цехового мастера, тяжелая рука хозяина квартиры, мертвецкий секс; налогообложение, рак, депрессия; одежда, расплывающаяся после трех одеваний, вода, по вкусу напоминающая мочу, доктора, которые прогоняют вас, как на конвейере, больницы без милосердия, политиканы с гнойными мозгами... можно продолжать и продолжать, но это было бы обвинение только против озлобленных и помешанных бедняков, тогда как мир превращает в психопатов (и психопаток) всех нас, даже праведникам присуще сумасшествие, никто

не защищен. вот такое вот говно. что до меня, то, если не изменяет память, я поимел всего 2500 баб, зато посмотрел 12 500 забегов, и единственное, что могу посоветовать любопытствующим: займитесь акварельной живописью. итак, я все еще пытаюсь сказать вам, что большинство людей гонит на бега лишь чудовищная мука, да-да, они в таком отчаянии, что предпочитают еще сильнее помучиться, чем признать истинное положение дел (?) в своей жизни. а наши воротилы не такие уж бестолочи, как мы о них думаем. они со своих высот внимательно изучают муравьиную возню. вы же понимаете, да, что Джонсон²² гордится своим пупком? и в то же время осознаете, верно, что он один из лютейших подонков, каких нам когда-либо навязывали? мы заарканены, отмудоханы и заморочены до ошеломления; мы так ошеломлены, что в итоге некоторые даже начинают любить наших мучителей, поскольку на то они там и сидят, чтобы издеваться над нами согласно логике страданий. это кажется таким обоснованным, поскольку другого просто нет. это должно быть правильным только потому, что это есть. что именно? вот Санта-Анита есть. Джонсон есть. так или иначе, мы сами позволяем им быть там, где они есть. сами строим себе дыбы и потом вопим, когда их дебилыне приспешники отчекрывают нам яйца, помахивая при этом серебряным распятием (золото уже все вышло). разве это не объясняет,

²² Имеется в виду Линдон Бейнс Джонсон (1908–1973) – 36-й президент США (1963–1969).

почему некоторые из нас, или большинство, если не все, находятся здесь, сегодня, 22 марта 1968 года после полудня, в Аркадии, штат Калифорния.

в пятом забеге победила лошадь под номером 12, Квадрант. на табло было 5/2, значит, я точно должен был выиграть. лошадь победила мощно, обходя других участников на протяжении всей дистанции. я поставил 10 на победу, \$40 было в минусе, с нетерпением ждал объявление судейской коллегии. при ставке 5/2 выплата составляла от \$7 до \$7.80, значит, при ставке на победу мне возвращалось от 35.00 до 39.00. таким образом, я рассчитывал почти отыгаться. моя лошадь была в третьей строчке на табло и во время ставок всегда оставалась на счете 5/2. и вот на табло высветилась окончательная выплата:

\$5.40.

прямо на тотализаторе. пять сорок! так ведь это между 8/5 и 9/5, что и близко не стояло к 5/2. на предыдущей неделе, тоже был фортель, ипподром удвоил плату за парковку с 25 центов до 50. сомневаюсь, что у парковщиков жалование удвоилось. к тому же они стали драть по целых \$2 вместо \$1.95 на входе. а теперь вот \$5.40! ни хуя себе! над трибунами поднялся невообразимый стон и медленно распространился по всему ипподрому. отсмотрев практически 13 000 забегов, я никогда не сталкивался с таким явлением. табло небезупречно. я видел, как при 9/5 выплата составила 6.00, ну еще всякие незначительные расхождения, но никогда не

встречал, чтобы $5/2$ закрывалось выплатой $8/5$, да я даже не помню, чтобы $5/2$ снижалось до $8/5$ в самый последний момент перед закрытием приема ставок. чтобы случилось такое, нужно было в этот самый последний момент поставить просто невероятное количество денег.

толпа начала гудеть: УУУУ УУУУУУУУ УУУ-УУУ-УУУ! затем гул замирал, но вскоре возникал снова: УУУУ-УУ УУУУУУ УУУУУУ! и с каждым разом он длился все дольше. трибуны учуяли, что дело тухлое, что у кого-то взыграла алчность. толпу снова предали. 5.40 означало, что ко мне возвращаются лишь 27.00 вместо возможных 39.00. и не я один был уязвлен. ощущалось, как людская масса корчится от боли. для многих на кону каждого заезда лежали аренда жилья, жрачка, выплата по автокредиту.

я посмотрел вниз и увидел, что на беговом поле стоит человек и машет своей программкой, указывая на табло. он явно обращался к распорядителю. потом мужик замахал толпе, призывая всех выходить на поле. один откликнулся и перемахнул через изгородь. трибуны зааплодировали. другой отыскал открытые ворота, и теперь на поле было уже трое. толпа аплодировала. людям стало легче. на поле стало прибывать и прибывать, и аплодисменты не смолкали. все повеселели. появился шанс. шанс? что-то типа того. народ все прибывал. вскоре где-то 40–65 человек толпились на беговой дорожке.

комментатор включил микрофон:

– ДАМЫ И ГОСПОДА, ПРОСИМ ВАС ПОКИНУТЬ ПОЛЕ, ИНАЧЕ МЫ НЕ МОЖЕМ НАЧАТЬ ШЕСТОЙ ЗАБЕГ!

голос звучал недружелюбно. внизу были десять полицейских в серых санта-анитских мундирах, и каждый вооружен. толпа гудела: УУУУУУУ!

вдруг один из игроков заметил, что участники следующего заезда появились на задернованной скаковой дорожке. черт, они блокировали грунтовый трек. когда лошадей вывели на предстартовый парад, толпа двинула через грунтовку к зеленому полю, находившемуся внутри трека. им противостояли восемь лошадей, возглавляемые эскортным в красном камзоле и черном картузе. толпа валила через грунтовку.

– пожалуйста, – грозил комментатор, – очистите трек! пожалуйста, очистите трек! тотализатор не смог зарегистрировать последний флеш-даун. цена верная!

лошади медленно двигались на застывших в ожидании людей. они были огромные и явно нервничали.

я спросил у Денвера Дэнни, парня, который зависал на скачках намного дольше меня:

– что это за туфта, Денвер?

– да машина тут ни при чем, это не она наговняла, – отозвался бывалый. – каждый доллар учитывается. когда кассы закрылись, на табло было пять к двум; затем табло обновилось, финальные изменения были, но на табло осталось пять к двум. знаешь, французы говорят: «а кто будет сторожить

сторожей?» если помнишь, уже на третьем круге стало ясно, что победитель – Квадрант, оторвался значительно. могло произойти следующее. возможно, машины вообще не были закрыты во время скачки. и когда Квадрант вырвался, менеджеры просто продолжали выкупать выигрышные билеты. другие говорят, что оставаться доступными могли одна или две машины. точно я не знаю. но могу сказать одно – это кидалово, да любой здесь это просекает.

лошади продолжали надвигаться на толпу. эскортный и первая лошадь – огромный монстр по кличке Непреодолимая Страсть под жокеем по имени Пирс – приблизились к передней линии выжидающих бунтовщиков. один парень обложил полицейских матом. трое копов выхватили его из толпы, оттащили к ограждениям и стали мутузить. толпа двинулась на копов, и они отпустили бедолагу, парень бросился к своим и затерялся в первых рядах, перекрывавших беговую дорожку. а лошади продолжали движение, и было ясно, что они намерены прорваться. таковы были даны указания. и вот – люди на лошадях против людей безоружных. пара-тройка парней легли на пути у наступающих, прямо под копыта лошадей. это было нечто. вдруг лицо эскортного перекосилось, покраснело, как его камзол, он схватил за поводья первую лошадь – Непреодолимую Страсть, – прищипорил свою и рванул через людей напролом, правда, глаза закрыл. лошади проскочили через лежащих. не знаю, сломали они кому-нибудь спину или нет.

но эскортный отработал свой оклад. послушный служака. какие-то гниды на трибунах заплодировали. но этим дело не кончилось. несколько бунтовщиков окружили прорвавшуюся лошадь и попытались сдернуть жокея из седла на землю. на поле выдвинулась полиция. остальные лошади пытались следовать за Непреодолимой Страстью, но парни мгновенно окружили ее и почти стащили Пирса на землю. это был звездный час восставших.

я убежден, если бы им удалось выдернуть Пирса из седла, дело закончилось бы поджогом трибун и всеобщим погромом. но копы отлично знали свое дело. оружия они не доставали, им и так нравилось, особенно одному, который с наслаждением дубасил кулаками какого-то старика то по макушке, то по загривку, то по спине. Пирс и Непреодолимая Страсть прорвались, мерин с соответствующей кличкой, заодно и разогрелся для предстоящей скачки на дистанцию в полторы мили. копы действовали чрезвычайно агрессивно и энергично, а протестующие отвечали нехотя. битва была проиграна. вскоре беговые дорожки освободились.

и тут донеслось:

– НЕ СТАВЬТЕ НИЧЕГО! НЕ СТАВЬТЕ НИЧЕГО! НИЧЕГО!

вот уж было бы славно, а? ни доллара стервятникам – жирных полоумных лентяев вышвырнули бы из их особняков на Беверли-Хиллз. слишком уж хорошо. было уже шесть косарей в кассах тотализатора, когда завопили: «НЕ СТАВЬТЕ

НИЧЕГО!» нас подсадили, высосали досуха, опять и во веки веков... и ничего не оставалось, как ставить снова и снова и принимать все как есть.

десять копов стояли вдоль ограждений. гордые, преданные и вспотевшие, они получают премиальные за дополнительные нагрузки на службе. победителем в шестом стала лошадь по кличке Старт, на табло было девять к одному, что и выплатили. если бы вдруг при выплате оказалось восемь или семь, Санта-Аниту в тот день просто разнесли бы по кирпичику.

я читал, что на следующий день, в субботу, на ипподроме собралось около 45 000 человек, то есть в пределах нормы.

я там не был, никто по мне там не скучал, и лошади скакали, а я писал эту заметку.

23 марта, восемь вечера, Лос-Анджелес, та же тоска, и некуда податься.

возможно, в следующий раз у нас будет нужный номер, правильной лошади.

нужна практика, немного юмора и чуточку удачи.

подошел ко мне парень в армейском камуфляже и говорит: «ну, теперь, после убийства Кеннеди, тебе будет о чем писать». сам он тоже считает себя писателем, почему бы ему этим не заняться? мне постоянно приходится подбирать чуужие какашки и упаковывать их в литературные пакетики. думаю, на этот случай у нас найдется достаточно экспертов —

открывается декада под названием:

Декада Экспертов и Декада Политических убийц. и все они не стоят ссохшегося собачьего дерьма. главная проблема с этим убийством не в том, что мы потеряли стоящего мужика, но и в том, что просрали политические, духовные и социальные достижения, а такие вещи существуют, как бы помпезно это ни звучало. я к тому, что когда случается такое политическое убийство, все античеловеческие и реакционные силы стремятся упрочить свои предрассудки и использовать возникший разлад, чтобы вышибить естественную Свободу к ебням с ее крайнего табурета у барной стойки.

я не рву задницу за человечество, как это делал Камю²³ (читайте его эссе), потому что, если честно, от большей части человечества меня воротит, единственное, что может спасти его, это совершенно новая концепция всеобщего интеллектуально-интуитивного понимания происходящего, реальности и изменений. и это только для малышей, которые еще не умерщвлены, но и им не спастись, ставлю двадцать пять против одного, что никакой новой концепции не будет – уж слишком это было бы разрушительно для властвующей банды. нет, я не Камю, но, дорогие мои, меня задевает, когда я вижу, как Недоумки греют руки на Трагедии.

вот выжимки из высказывания губернатора Рейгана: «Обычный человек – благопристойный, законопослушный,

²³ Камю, Альбер (1913–1960) – французский писатель и драматург, публицист и философ, лауреат Нобелевской премии по литературе 1957 г.

богобоязненный, так же, как вы и я, взволнован и обеспокоен происшедшим.

он, как и все мы, – жертва той позиции, которая вот уже целое десятилетие вызревала в нашей стране, позиции, сводящейся к тому, что человек может выбирать себе законы, которым будет повиноваться, что он может поставить себя над законом, что преступление необязательно влечет за собой наказание.

эту позицию постоянно подпитывали своими демагогическими и безответственными высказываниями так называемые лидеры и в правящих кругах, и в оппозиции».

боже ты мой, не могу продолжать. такая скука. Идеальный Папаша и его старина ремень для правки бритвы, чтобы сечь наши задницы. правильный губернатор собирается отобрать у нас все игрушки-развлекушки и отправить в постель без ужина.

господи милостивый, я не убивал Кеннеди, ни одного ни другого, ни Кинга, ни Малькольма Икса, ни других²⁴. но для меня совершенно очевидно, что левое крыло либеральных сил отстреливают одного за другим – не важно, по какой при-

²⁴ Президента Джона Ф. Кеннеди (1917–1963) застрелил Ли Харви Освальд; его брата Роберта Ф. Кеннеди (1925–1968), министра юстиции и кандидата в президенты, – Сирхан Сирхан; борца за гражданские права афро-американцев Мартина Лютера Кинга-мл. (1929–1968) – Джеймс Эрл Рэй; а Малькольма Икса (Малькольм Литтл, 1925–1965), одного из бывших лидеров экстремистской организации «Нация ислама», вышедшего из нее и ставшего мусульманином-сунитом, – трое ее членов. Все четыре убийства давали и дают благодатную почву для конспирологических измышлений.

чине (возможно, убийца в прошлом поработал в магазине диетических продуктов и возненавидел евреев) – по какой бы то ни было причине, но левые либералы погибают и упокаиваются в могилах, в то время как правые либералы даже брючины кладбищенской травой не запятнали, а разве не стреляли в Рузвельта и Трумэна? оба демократы, вот ведь странность.

это убийство – мерзость, я готов согласиться, и Идеальный Папаша тоже мерзость – соглашусь. мне также твердят богобоязненные, что я «грешен», так как рожден человеческим существом, а эти самые существа однажды что-то сделали какому-то Иисусу Христу. но я не убивал ни Христа, ни Кеннеди, и губернатор Рейган тоже их не убивал. это уравнивает нас, а не возвышает его одного. я не вижу причины потерять остаток судебных или духовных свобод, уж какой ни есть. кто кому лапшу на уши вешает? если человек умирает в постели во время ебли, значит ли это, что все остальные должны прекратить совокупляться? если один не-гражданин оказался сумасшедшим, должны ли остальные граждане считаться сумасшедшими? если кто-то убил Бога, значит ли это, что я хочу убить Бога? если кто-то убил Кеннеди, означает ли это, что я тоже хочу убить Кеннеди? что делает губернатора, самого по себе, таким правым, а всех остальных не правыми? спичрайтеры, причем в основном бездарные.

кстати, забавное наблюдение: раскатывая без всякой надобности по городу 6 и 7 июня, я видел, как в негритянских

районах девять из десяти автомобилей ехали в дневное время со включенными фарами, в память о Кеннеди; по ходу движения к Северу, вплоть до бульвара Голливуд, это соотношение постепенно уменьшалось, а ближе к бульвару Сансет между Ла-Бреа и Нормандией таких машин встречалось уже одна из десяти. Кеннеди был белым, друзья мои. я тоже белый, но днем фары моей машины были выключены. в конце концов между Экспозишн и Сенчури подул свежий ветерок, я слегка остыл и совсем успокоился.

так что, как я уже говорил, у всякого, вплоть до губернатора, есть рот и практически каждый, в меру своих предрассудков, его открывает, стараясь откусить свой кусок от этого трагического пирога. те, кто урвал сполна, теперь будут объявлять вредоносным заблуждением все, что могло бы сдернуть с них золотые панталоны. я-то аполитичен, но с такими дешевыми номерами, которые откалывают эти реакционеры, могу обозлиться и тоже вступить в игру.

вон даже спортивные журналисты в игре, а как всем известно, нет ничего хуже, чем пишущий, а особенно – думающий спортивный журналист. я лично не знаю, что хуже – их писанина или их домыслы, впрочем, что бы у них ни верховодило, этот союз будет всегда порождать лишь ублюдочных и отвратительных монстров. как вы, надеюсь, понимаете, наихудшая форма юмора – это гиперболизированное кривляние. теми же средствами пользуется наихудшая форма субъективного и иррационального типа мышления.

вот как фанфаронит один спортивный журналист нашей крупнейшей не бастующей газеты. цитаты по поводу покушения на Р. Кеннеди (когда тот находился в операционной):

**«СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ НАСИЛИЯ:
НАЦИЯ В ОПЕРАЦИОННОЙ**

...и снова цвет Америки получил пулю в пах. нация в операционной. соединенные штаты насилия.

одна пуля могущественнее миллиона избирательных голосов.

это не Демократия, это Безумие. страна, уклоняющаяся от подавления криминала, воспитания детей, изоляции сумасшедших...

президент Соединенных Штатов выбран в скобяной лавке, по каталогу с доставкой на дом...

свобода расстреляна. “право” убивать – основополагающее право в этой стране. праздность добродетельна. патриотизм – грех. консерватизм – анахронизм. Бог старше тридцати. религия – это быть молодым, словно молодость – это добытая кровью и потом добродетель. “приличие” – половица для грязных ног, работа – предмет для презрения. “любовь” – то, для чего нужен пенициллин. “любовь” вручает цветы обнаженному, завшивленному юнцу, в то время как его мать дома не находит себе места. вы “любите” посторонних, но не своих родителей.

мне нравятся люди из домов с занавесками на окнах, а

не люди “хат” и “вписок”. и следующий, кто назовет деньги “капустой”, пусть выгребает зарплату вилкой. меня тошнит от разговоров о том, что следует попытаться “понять” зло. а канарейка сможет “понять” кошку?

конституция не задумывалась как щит для дегенеративности. сначала вы палите флаг, затем поджигаете Детройт. вы предлагаете отменить смертную казнь для всех, кроме кандидатов в президенты и президентов...

...божьи люди превратились в стадное быдло. национальный гимн – вопль в ночи. американцы не могут гулять в своих парках, ездить в автобусах. они вынуждены запирать себя в четырех стенах.

“поднимись с колен, Америка!” – молят люди, но их игнорируют. огрызнись, твердят они, покажи, что намерена драться в ответ. лев скалит зубы, и шакалы драпают. испуганный зверь так и просит атаковать. но Америка не слушает.

...студенты-неврастеники, водрузив ноги на парты, которые не способны сколотить, разрушают университеты, взамен которых не смогут построить ничего.

...все начинается с обожествления бродяг, праздношатающихся и бездельников – этих наглых гостей у милосердного стола демократии, которые опрокидывают его на обескураженных хозяев...

молите Господа, чтобы наши врачи исцелили Бобби Кеннеди. а кто исцелит Америку?»

вам нравится этот парень? я тоже так думаю. слишком просто. школярское витиеватое сочинение, только раскрашенное с точки зрения нынешней позиции выживания. вы водитель мусоровоза? не расстраивайтесь. есть, конечно, и получше работы, но делаются они хуже.

изолировать сумасшедших. но кто есть сумасшедший? мы все ведем свою маленькую игру в зависимости от положения фигур на доске: коней, ладьи, короля и ферзя, да что за чертовщина, я уже блажу, как этот журналист.

и теперь куча всяких мозгоправов, мыслителей, групп специалистов, президентских коллегий попытаются выяснить, что же такое неправильно с нами. кто псих, кто рад, кто не рад, кто прав, кто не прав. изолировать сумасшедших, когда у пятидесяти девяти из шестидесяти встреченных на улице крыша едет от индустриального невроза, семейных дразг и постоянной борьбы и нет времени остановиться и расслабиться и определиться, где же они находятся и когда деньги, поддерживавшие и ослеплявшие их так охуенно долго, когда эти самые деньги будут годиться только на подтирку, что прикажете делать? да ладно вам, ребяташки, политические убийства уже давно наша повседневность. и никакой феерии, просто некий тип с изжеванной физиономией и помойными глазками, как много таких среди мужиков и женщин. миллионы.

но скоро мы получим доклады от комиссий психоаналитиков, которые, как и комиссии по бедности, твердящие нам,

что есть голодающие низы, будут убеждать нас, что, оказывается, есть и голодающие верхи. а потом все забудется до следующего, слегка эмоционального убийства или городских беспорядков, и тогда они снова будут собираться и излагать свои бестолковые экспертные заключения, потирая ручонки и исчезая, как говно в унитазе. ведь действительно, все это волнует их только до тех пор, пока не уляжется волна. и эти ничтожные психоаналитики, козыряя волшебными знаниями, морочат нас своим словоблудием, утверждая, что поскольку у вашей мамы была косолапость, папаша ваш бухал, а в трехлетнем возрасте вам в рот накакал цыпленок, постольку вы и есть гомосексуалист или оператор штамповочного прессы. все, кроме правды. а правда в том, что есть люди, которых не устраивает, как эта жизнь протекает, и что неплохо было бы ее усовершенствовать. но нет, эти мозгоправы с их механическими побрякушками, которые со временем окажутся абсолютными фальшивками, будут продолжать твердить нам, что мы совершенно безумны и за это им надо хорошо платить. мы просто неправильно это воспринимаем. помните такие песенки?

ах, какой счастливчик я,
прожигаю жизнь почему зря,
потому что у меня
карман полон грез.

это все моя страна,

даже пусть и без гроша,
потому что у меня
карман полон грез.

Или так:

нет уж денег на счету,
и к друзьям уж не иду.
что же делать,
как же быть,
лучше свет я погашу
и во сне себя спрошу.

чего они нам не скажут, это что наших психопатов и наших убийц породил наш нынешний образ жизни, наш старый добрый чисто американский способ жить и умирать. черт, да то, что мы еще не поголовно выплескиваем свое помешательство наружу, это просто чудо! а раз прежде разговор шел совершенно серьезный, давайте закончим беседу о безумии дискотек. как-то я был в Санта-Фе и разговаривал, ну, вернее, выпивал со своим приятелем, который слыл весьма известным психоаналитиком, и вот в середине очередной нашей пьянки я спросил его:

— Джин, скажи мне, я псих? давай, дружище, колись. я готов ко всему.

он допил свой стакан, поставил на столик и ответил:

— сперва ты должен мне заплатить.

тут-то я и понял, что по крайней мере один из нас уж точно псих. губернатора Рейгана и спортивных журналистов с нами не было. и второй Кеннеди был еще жив. но меня посетило какое-то странное чувство, я сидел, пил и ощущал, что не так все хорошо, что все плохо и будет плохо как минимум еще пару тысячелетий.

итак, мой друг в армейском камуфляже, теперь слово за тобой.

– хана, – сказал Андерсон, – мертвечина победила.

– мертвечина победила, победила, победила, – повторил Мосс.

– а кто в бейсболе победил? – спросил Андерсон.

– понятия не имею.

Мосс подошел к окну, выглядел проходившего мимо американца мужского пола.

– эй, кто там выиграл в бейсболе? – заорал Мосс, высунувшись из окна.

– «Пираты», три – два, – ответил американец.

– ты слышал, нет? – обратился Мосс к Андерсону.

– ага. «Пираты», три – два. мне интересно, кто победил в девятом заезде?

– это я знаю, – отмахнулся Мосс. – Космонавт Второй, семь к одному.

– а кто наездник?

– Гарза.

оба присосались к своему пиву. они еще недостаточно окосели.

– мертвечина победила, – проронил Андерсон, отдышавшись.

– сказал бы чего новенького, – отозвался Мосс.

– пожалуйста: если в ближайшее время я не дорвусь до свежей пиздытинки, то совсем с катушек съеду.

– за пиздытину всегда приходится дорого платить, лучше забудь.

– знаю. но забыть не могу. уже начинает сниться полный бредос. будто я кур ебу в жопу.

– кур? как же их можно ебать?

– не знаю, во сне получается.

они снова переключились на пиво. два давних друга, обоим за тридцать, у обоих отупляющие работы. Андерсон был женат, но потом развелся, двое детей остались с матерью. Мосс женился дважды и дважды разводился, тоже наплодил безотцовщину. дело происходило субботним вечером у Мосса на квартире.

Андерсон швырнул опустевшую бутылку по длинной дуге. она угодила в огромную мусорную корзину, заполненную пустой пивной тарой.

– ты знаешь, – заговорил он, – некоторые мужики просто не уживаются с бабами. у меня никогда с ними не ладилось. сплошняком тоска зеленая, а когда заканчивается, меня как будто во все щели выебли.

– ты что, пытаешься шутить?

– да ты знаешь, о чем я: это все надираловка. трусы на полу, недоотстиранные от летнего поноса, она шагает в ванную победной поступью, а ты валяешься на кровати, как расползшаяся квашня, таращишься в потолок и думаешь: что вся эта хренотень значит? и потом остаток вечера слушаешь ее пустопорожнюю трескотню... а ведь у меня еще есть дочь. м-да, слышь, я, наверное, ханжа или педик, ну, или что-то в этом роде, как думаешь?

– да нет, брат. я понимаю, о чем ты. мне тут припомнился один случай. как-то приятель сосватал мне бабенку, ну я и завалил к ней с пинтой и с порога отстегнул еще десятку. мы неплохо покувыркались, я не рассчитывал там на всякие духовную близость, родство душ и тэ дэ и тэ пэ. просто опростал яйца, расслабился, лежу, таращусь в потолок, жду, когда она в ванную свалит. а она пошарила под диваном, вытянула оттуда какую-то ветошь и протягивает мне, чтобы я подтерся, значит. меня чуть не вывернуло наизнанку. эта чертова тряпка аж задубела вся. но я отыграл как профи. отыскал мягкое местечко и подтерся. знаешь, пришлось изрядно постараться, чтобы отыскать свободный пяточок на той тряпице. а она потом спокойно подтерлась этой же ветошью. я тут же свалил без оглядки, так что если ты хочешь назвать это ханжеством, валяй – я ханжа.

некоторое время они сидели молча, попивая пиво.

– но не надо впадать в крайности, – заговорил Мосс.

– мм?

– встречаются и хорошие женщины.

– ммм...

– да, понимаешь, тогда все идет правильно. у меня была одна такая подружка, боже, это было как в раю. никаких покушений на твою душу и всякое такое прочее.

– ну и что же случилось?

– она умерла совсем молодой.

– хреново.

– хреново, да. я чуть до смерти тогда не упился. они снова обратились к своим бутылкам.

– как это получается? – спросил Андерсон.

– получается – что?

– что мы с тобой соглашаемся почти во всем?

– так мы же как-никак друзья, я надеюсь. дружба – это и есть совпадение предрассудков.

– Мосс и Андерсон. команда. нам бы на Бродвей.

– зал будет пуст.

– да уж.

(молчание, молчание, молчание.) затем:

– пиво становится все больше похоже на мочу.

– ага... Гарза... я с Гарзой никогда не выигрывал.

– у него невысокие ставки.

– но теперь, когда Гонсалес больше не начинающий жокей и лишился льгот, может, Гарзе и дадут лошадей получше.

– Гонсалес... у него кишка тонка. плоховато в повороты

вписывается.

— да, но он зарабатывает больше, чем мы с тобой.

— ну, это неудивительно.

— да уж конечно.

Мосс бросил пивную бутылку в мусорку и промахнулся.

— я никогда не был спортсменом, — пояснил он. — господа, в школе, когда собирали команду, меня брали предпоследним. кроме меня оставался только самый последний кретин.

Винчелл — так его звали.

— е-мое, и что же стало с этим Винчеллом?

— теперь президент сталепрокатной компании.

— бог ты мой!

— хочешь узнать про остальных?

— валяй.

— отличник и герой, Гарри Дженкинс, сидит в Сан-Квентине.

— блин! кого же сажают — тех или не тех?

— да всех: и тех, и не тех.

— вот ты побывал за решеткой. как там?

— да как и везде.

— в каком смысле?

— ну, в смысле, такой же социум со всеми его прибаббами. там все делятся по своему ремеслу. аферисты никогда не будут якшаться с угонщиками, угонщики с насильниками, а насильники с шишкотрясами. и вертикаль выстраивается по принципу — кто за что сел. вот, например, произво-

датель порнухи стоит куда выше, чем, скажем, совратитель малолеток.

— ну а ты по какому принципу их делил?

— да по тому же — кто за что сел.

— ну хорошо, а в чем разница между парнем, владеющим огромным домом, и первым встречным на улице?

— парень с огромным домом — такой же лузер, только он хотя бы попытался.

— ладно, ты победил. мне нужна баба.

Мосс отлучился к холодильнику, принес еще пару бутылок пива, откупорил их и сказал:

— баба, шлюха, пиздятина... какой-то базар пятнадцатилетних щеглов. я что-то совсем уже отгорел.

не могу больше вникать во всякие там тонкости и деликатности. а некоторые мужики умеют от природы. знаешь, мне постоянно вспоминается Джимми Давенпорт. блядь, это было такое самовлюбленное говно и ничтожество, но бабы сходили по нему с ума. отвратительное и мерзкое существо. после того как выебет очередную дуру, он делал вид, что идет в ванную, а сам заглядывал в холодильник и давай ссать во что попало — в миску с салатом, в пакет с молоком. он считал, что это очень смешно. затем появлялась она, присаживалась рядышком, и ее глаза просто вылезали из орбит от любви к этому ублюдку. однажды Джимми привел меня к своей подружке домой и показал, как он это проделывает, все хотел сдружиться со мной, поэтому и открылся, иногда, кстати, и

мне перепало. с тех пор я усвоил, что большинство красивых баб всегда выбирают самых отвратных мудаков и очевидных фальшивок. или я просто завидую им и мое мнение предвзято?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.